

The background of the book cover is a dark, monochromatic composition. It features a dense network of thin, dark, branching lines that resemble bare tree branches or a complex web. In the center, there is a bright, multi-pointed starburst or explosion of light, with numerous thin, white lines radiating outwards. The overall effect is one of intricate, organic complexity.

Александр
Кротов

На долгую
память

Александр Михайлович Кротов

На долгую память...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69860836

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодой мужчина после несчастного случая теряет память, и теперь в его голове нет места воспоминаниям. А всё, что он узнаёт от окружающего мира – через несколько минут становится бесполезным. Но какие-то мимолётные озарения иногда посещают его уставший от беспамятства разум, не давая душе покоя. Однажды он решает найти клад, чтобы сохранить свою семью. И в этом непростом деле ему даже удаётся найти единомышленников...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	49
Глава 4	61
Глава 5	86
Глава 6	106
Глава 7	127
Глава 8	138
Глава 9	160

Александр Кротов

На долгую память...

Глава 1

Лиза пришла домой позже обычного. Она медленно разулась, небрежно бросив на пол свои неудобные туфли. Села на кушетку. Сегодня был тяжёлый день.

Только переступив порог своей квартиры, ей наконец-то удалось перевести дух. Она не сразу заметила, что из приоткрытой двери большой комнаты на неё пристально смотрел Витя. Он напугал её. Она знала этот взгляд.

Но, несмотря на усталость и грозный взгляд Вити, в девушке затеплилась надежда, что на этот раз её отругают не по спонтанной причине, а по поводу того, что она пришла домой значительно позже. Быть может, это маленькое обстоятельство станет началом осознанного восприятия событий, происходящих в жизни Виктора? Быть может, он начнёт что-то вспоминать, понимать?

Но... нет.

– Ты мне купила мороженого? – нарушил тишину Витя вполне ожидаемым вопросом.

– Извини, меня задержали на работе, а магазин уже за-

крылся, – мягко сказала Лиза, ей совсем не хотелось конфликта.

– То есть, я сегодня без мороженого? – вроде бы вполне миролюбиво уточнил взрослый мужчина, жизненно необходимые потребности которого за последний год серьёзно ограничились.

Теперь все его желания были чётко сформулированы: телевизор и фисташковое мороженое.

Лиза осторожно сказала:

– Да, но завтра у меня выходной, и с самого утра я куплю тебе столько, сколько пожелаешь. Или завтра сам спустишься до магазина и купишь. Какого захочешь. Можешь даже не фисташкового.

Она поднялась с кушетки и медленно, держась за стену, пошла в сторону ванной комнаты. Но Виктор резко выбежал в коридор и вплотную подскочил к жене, заградив собой дверь в санузел. В его глазах не было злости, но его слова говорили об обратном.

– Дура тупая, ты что, совсем отупела? Я хочу фисташкового! Я хочу его сейчас! – закричал он.

Лиза повернула голову в сторону, чтобы не смотреть на мужа. Она до сих пор не смогла привыкнуть к его резким приступам ярости.

– Прости, сегодня не получается, уже поздно. Завтра я куплю столько, сколько захочешь, – тихо сказала Лиза, пытаясь протиснуться к двери.

Но крепкий мужчина слегка оттолкнул плечом хрупкую девушку.

– Какое завтра? Какое завтра?! Если нужно именно сегодня?! – злобно выпалил Витя.

Он напоминал большого ребёнка, и на его злость можно было даже ответить улыбкой. Но всё чаще его агрессия стала принимать более сложные формы. Он стал не просто обзывать, требовать, закатывать истерики. Он стал давить. Морально. Паузы в речи, смена интонаций. Будто пробовал новые методы психологического прессинга.

Лиза понимала, что надо быстро сменить тему, чтобы муж забыл причину своего негодования. Антероградная амнезия очень коварный диагноз, но всегда есть возможность за достаточно короткое время увести внимание больного от того момента, который его расстроил. Однако этот лёгкий толчок плечом заставил её растеряться, забеспокоиться. Раньше он её не трогал, он вообще перестал до неё дотрагиваться.

– Дай мне пройти, пожалуйста. Пожалей меня, я очень устала на работе, – немного жёстко сказала Лиза.

Видимо, жёстче, чем нужно. Либо вся эта психология общения с больным человеком не стоит ровным счётом ничего.

– Ты, коза вонючая! А ты меня пожалела?! Почему ты меня не пожалела, тварь?! – ещё громче закричал Виктор.

– Прости меня, я люблю тебя, ты хороший и добрый, – Лиза неубедительно стала произносить уже набившую оскомину речь для успокоения своего недееспособного мужа, ко-

торый когда-то был действительно хорошим и добрым.

– А ты злая и плохая! Гнида! Мразь!

– Да, я такая, – устало сказала Лиза и аккуратно попыталась пройти на кухню, оставив попытки попасть в ванную.

– Тебе здесь нечего делать! – крикнул Витя и толкнул жену.

Толчок был не сильный, но для маленькой молодой девушки этого было достаточно. Она упала, чуть не ударившись головой об дверной косяк. От серьёзной травмы её спасла хорошая реакция – девушка вовремя подставила руки.

– Совсем уже! – выкрикнул Витя и ушёл в комнату, где громко работал телевизор.

Там он закрыл лицо руками и зарыдал. Ему было очень грустно от своей злости и от того, что он чуть всерьёз не избил свою жену. Она, наверное, хорошая. Но в данный момент времени у него не было к ней никаких позитивных чувств.

Лиза поднялась на ноги и дошла до холодильника, откуда достала лёд, чтобы приложить его к ушибу на руке. Она надеялась, что это спасёт её от синяка.

* * *

Через некоторое время Витя уже не помнил об этом инциденте. Его настроение улучшилось.

Они ложились спать. Лиза укуталась в мягкое одеяло, а Витя разложил себе постельные принадлежности на полу. Он часто спал по ночам на полу, вжавшись в самый угол комнаты. Зато днём он мог более полноценно выспаться на диване перед телевизором.

– Почему ты ложишься спать на полу? – спросила Лиза.

Она старалась как можно чаще спрашивать его о мотивах его поступков для того, чтобы Виктор снова попытался научиться давать им аргументированные обоснования.

– Потому что это для спины полезно, – ответил он.

Без агрессии. Это уже хорошо. Можно было спросить ещё что-нибудь.

– Ты умывался?

– Да.

– Зубы почистил?

– Почистил, – спокойно ответил Виктор.

– Как тебе новый ополаскиватель?

– Какой ополаскиватель? – насторожился мужчина.

– Которым после чистки зубов надо полоскать рот, – объяснила Лиза.

– Нет, им нельзя ополаскивать. Там ментол, – с раздражением сказал Витя.

– И?

– Ты что, тупая? Он вреден для потенции! – начал огры-

заться муж.

Лиза прекратила допрос, лишь шепотом сказав:

– Как будто она тебе нужна...

– Что ты там сказала?! – резко приподнялся со своей неудобной постели Витя.

– Спокойной ночи, Витюша.

– Спокойной ночи. Маша, – быстро сменил тон мужчина, успокоившись.

Лиза с помощью пульта дистанционного управления выключила свет, оставив тусклое свечение ночника. Витя боялся темноты.

Хорошо, что сильная усталость не дала лишним размышлениям повода для бессонницы. Лиза быстро уснула, не думая о том, что муж вновь назвал её именем своей первой любви: девочки, с которой он вместе учился в школе с первого по третий класс. Они даже сидели вместе, на первой парте. Её звали Маша Петрова. Всё. Эта информация для его памяти была важнее, чем имя его жены, с которой он прожил пять счастливых лет и один год забвения. Этот год выдался по-настоящему тяжёлым для Лизы. Никакого улучшения в состоянии супруга не было, и быть не могло. Постоянные провалы в памяти и приступы агрессии – это всё, что осталось от его тёплых чувств к ней.

Вскоре Виктор разбудил супругу. Он просто решил поговорить.

– А расскажи мне, каким я был? – попросил он.

Лиза хотела притвориться спящей, но испугалась агрессивной реакции от мужа. Вдруг он начнёт её бить.

– Ты был добрым...

– А сейчас я злой что ли?! – быстро вспыхнул Витя.

Сегодня он был слишком агрессивным. Неужели только из-за не купленного мороженого...

– И сейчас ты добрый, просто немножко больше стал раздражаться по всяким пустякам, – ласково сказала Лиза.

– Ничего себе, пустяки! – ухмыльнулся Виктор.

Он лежал на боку, перечитывая записи в своём блокноте.

С некоторых пор Виктор Баюнов стал записывать информацию о своей жизни в красивый, компактный блокнот. Он любил хорошие письменные принадлежности и канцелярские товары. Всю свою жизнь он работал в офисе и всегда тщательно выбирал ежедневники, блокноты, записные книжки, не сильно доверяя электронным девайсам.

Из прошлой жизни ему и достался этот красивый, с обложкой из коричневой кожи, блокнот. К нему прилагалась стильная железная ручка. Всё это добро Витя всегда носил с собой, аккуратно убирая в розовый пакет косметической фирмы. На первой странице, он, под диктовку жены, когда-то написал свою фамилию, имя, отчество, дату рождения, адрес проживания и номер мобильного телефона супруги. Из всей этой информации он всегда помнил лишь своё имя.

Ещё он помнил, что ему слегка за тридцать, но насколько

«слегка» – это было для него загадкой.

Также в его памяти была совершенно не нужная информация о том, что его день рождения в один день с Варгом Викернесом, Натали Дормер и Дженнифер Энистон. Но кто они такие, он не знал. Но зато Витя помнил свою первую школьную любовь, хотя имени жены без блокнота он вспомнить не мог. Впрочем, кроме короткой информации о себе и личных данных супруги, больше ничего полезного написано в блокноте не было. Обрывки коротких воспоминаний, ничего не значащие словосочетания.

Но Витя постоянно носил этот блокнот с собой в кармане своих домашних бриджей, а когда нужно было выходить на улицу, он перекладывал розовый пакет с блокнотом в карман пиджака, в котором он когда-то ходил на работу. Впрочем, он не всегда помнил о том, что у него есть этот блокнот, но благодаря тому, что Виктор постоянно его держал при себе, его внимание к этому предмету было повышенным. Но если бы Баюнов потерял бы его где-нибудь, то через пятнадцать минут он о нём бы и не вспомнил.

В этот поздний вечер при свете ночника он перечитывал свои записи, заново открывая для себя тайну даты своего рождения и имени супруги. Ещё он наткнулся на самое длинное предложение во всей своей писанине: «меня избили, злая песня, отняли всё, отняли память, я теперь инвалид». Эти слова заставили его волноваться. Но на этот раз он не стал расспрашивать у жены подробностей об этой записи,

он решил поинтересоваться о том, каким он был раньше.

– Вить, ну как я могу рассказать о том, каким ты был. Каким ты был, таким и остался.

– Как песня?

– Какая песня? – Лизе очень хотелось спать.

– Каким ты был, таким и остался. Это песня, – спокойно сказал Витя. Но от обзывательств всё-таки не удержался. – Дура ты тупая.

– Витя, пожалуйста, не обзыва...

– Что за злая песня?

– Не обзывайся, пожалуйста.

– Что за злая песня? У меня тут написано, – Витя не кричал, но требовал немедленных объяснений, тыкая пальцем в свои записи.

– Когда ты пришёл в себя после реанимации...

– Я был в реанимации?

– Когда ты очнулся, тебя допрашивали про нападение. Ты только и сумел вспомнить про какую-то злую песню. А кто тебя бил и за что, ты не вспомнил.

– А за что меня били?

– Тебя ограбили. Отняли кошелёк, телефон, даже обручальное кольцо сняли. Сволочи.

– Твари! Мрази! – поддакивал Витя.

– Ну, не переживай! – попыталась успокоить мужа Лиза.

Но в её голосе не было необходимой мягкости, как и не было больше нежных чувств к некогда близкому человеку в

одночасье ставшему таким далёким. Ничего общего, кроме фамилии, у них больше не было.

Виктор неожиданно быстро утихомирился:

– Ладно, не будем грустить и злиться. Три кота – три хвоста. Три хвоста – три кота...

– Давай спать, сегодня был тяжёлый день, – сказала Лиза.

Муж ничего не ответил и через несколько минут она уснула.

Витя написал на новой странице фразу: «я был в реанимации», потом положил блокнот и ручку в пакетик, и убрал всё в широкий карман своих бриджей, что неаккуратно валялись на полу. Ему захотелось спать, но сны не торопились к нему. Он лежал на левом боку и смотрел на узоры обоев. Он не помнил, как клеил их на голую стену в своей недавно приобретённой квартире в элитном жилом комплексе. Не помнил, да и это ему уже было не важно.

* * *

Витя смотрел по телевизору мультфильм про трёх котов, когда в гости к его жене пришла её подруга. Они закрылись на кухне, пили вино, много разговаривали. Витя не выходил к ним, не было в этом нужды. У него было полкило фисташкового мороженого, мультфильмы, и полное отсутствие бес-

покойства, ввиду недавно принятых препаратов.

Вдруг весёлый сюжет заставил его не на шутку задуматься. Папа-кот спрятал от котят игрушку в виде чёрного кота, и оставил везде подсказки, чтобы они его могли найти. Но Вите жизнь подсказок не оставила. А зачем же ещё жить, если не ради счастья? Не удовольствия, а счастья. Удовольствие это то, что есть сейчас: забавный мультик, вкусное мороженое и лето за окном. Но в этом ли счастье?

Виктору стало не по себе от своих мыслей, он поёжился. Что-то впилося в ногу острым краем. Он отложил в сторону пластмассовую коробку с мороженым и ложку, нащупал в кармане пакет. Из пакета он достал блокнот, развернул его, начал читать, удивляться. И вроде бы он хотел что-то написать, но действие на экране отвлекло его.

Из оцепенения его вывела упавшая с дивана на ковёр ложка. Из всего потока его мыслей он понял только то, что хочет мороженого. Он поднял ложку, но вовремя заметил, что на неё налипли волосы с ковра.

С брезгливой физиономией, держа перед собой расстроившую его ложку, Витя пошёл на кухню, дверь в которую была закрыта. Оттуда слышались голоса. Один голос он узнал, а второй женский голос был ему не знаком. Мужчина вплотную подошёл к двери, прислонился к стеклянной вставке, найдя место, откуда можно было наблюдать за происходящим в помещении. Прислушался.

– Дорогуша, это только начало, он тебя обязательно при-

шибёт! – сказала какая-то девушка.

Она была некрасивой, она не понравилась Виктору. Слишком много на ней было косметики, которая скрывала её настоящие черты лица. Она будто бы носила маску. Или она была похожа на мужчину, который пытается быть похожим на женщину. Или она индеец. Так Вите показалось.

– Я его всё оправдываю. Может быть, у него случайно получилось толкнуть меня, – сказала вторая девушка, крашеная блондинка.

Она была одного возраста с первой девушкой, но выглядела лучше. Меньше косметики, более приятные черты лица. Только глупый взгляд всё портил.

Невзначай Витя вспомнил, что это его жена. То ли Маша, то ли Наташа. То ли Лиза.

– Если его сестра сама хочет Виктора в «дурку» отправить, ты-то что ломаешься? Строишь из себя мать Терезу... – недовольно сказала женщина-индеец.

– Ты, может быть, права. Здесь уже всё безнадёжно. Просто это как-то неправильно, – сомневалась Лиза.

– А что правильно? Ухаживать за большим ребёнком, а в ответ получать тумаки? Тебе тридцатник в следующем году! Это его жизнь кончилась, а твоя ещё только начинается! Да и деток с ним точно заводить не нужно, и шансов на это всё меньше и меньше. Часики-то тикают! Извини, что так грубо, зато по правде! – сказала подруга Елизаветы Баюновой, когда-то исполнившая роль свидетельницы невесты на её сва-

дье с Виктором.

– Ипотека эта всё портит! Если бы за Витю выплатили страховку, то всё было бы нормально, а с моим уровнем доходов мне ещё полтора года за неё платить. Только если завтра мне всё-таки дадут повышение, тогда можно подумать. А то слишком много волокиты.

– Бросай ты всё, спасай свою молодость!

– Ты права, я уже говорила. Я разведусь с Витей. Не сейчас, позже. Это не жизнь. Просто пока денег нет. После повышения всё обдумаю. Если оно, конечно же, будет.

– Дай мне слово! – настаивала подруга.

– Держи, – улыбнулась Лиза. – Разведусь, как с деньгами станет попроще.

Витя хотел войти на кухню, но не стал этого делать – его остановила грусть. Почти до слёз. Пришлось сдержаться, чтобы не заплакать. Его хотят бросить, он больше не нужен.

Поникший мужчина вернулся в комнату, сел на диван. Посидел некоторое время, глядя в пустоту перед собой. Из открытого окна подул лёгкий ветер последних тёплых летних дней. Витя поёжился, пришёл в себя. Угол записной книжки снова впился в ногу, и мужчина вытащил её из кармана, чтобы записать важные вещи, которые он только что узнал.

А что он узнал?

В панике Витя пытался правильно сформулировать мысль, стремительно пытающуюся покинуть чертоги его ра-

зума. Он сумел уловить только немногочисленные остатки минорных отзвуков информации, заставившей его не злиться, а грустить.

На новой странице большими буквами, впоследствии обведёнными несколько раз по контуру, он написал: «жена хочет развестись, потому что нет денег, чтобы заплатить за ипотеку».

Что такое ипотека, Виктор знал. Он вроде бы даже вспомнил про свою работу. Он много лет был в курсе всех дел на рынке недвижимости. Это была его работа. Сделки, финансовые операции, составление документов. Он был чертовски компетентен в этих вопросах. Может быть даже сейчас, если бы его ввели в курс дела, он быстро бы подхватил полученную информацию и смог бы успешно завершить пару сделок. Но кто ж ему теперь доверит? Виктор признан недееспособным. Местный дурачок, не иначе. Хорошо, что он не часто задумывался о том, насколько ущербным он выглядит в глазах жены и общества.

На второй странице развёрнутого листа он написал слово «клад» и поставил знак вопроса. Его озарила какая-то гениальная идея, способная решить все его проблемы. Но почему эта идея мгновение назад оказалась такой блестящей, Витя не понимал. Он с недоумением смотрел на слово «клад», сомневаясь в том, что это именно его правая рука только что вывела эту надпись.

В левой руке он продолжал сжимать ложку, что ворсилась

налипшими волосами.

Он оставил свои мысли о каком-то кладе, переведя свой взгляд на надпись про намерения жены разорвать брачные узы. Эта информация вновь расстроила его. Он заплакал. Горячие слёзы затопили его взор, размывая всё вокруг. Разноцветные картинки на большом плазменном экране больше не вызывали интереса. Горечь в горле затруднила дыхание, заставив по-детски всхлипывать.

Любил ли он жену? Наверное. Он больше понимал, что если она уйдёт, то этого всего не будет. Всего не будет.

Но до истерики не дошло. Витя захлопнул блокнот и убрал его в карман, предварительно бережно завернув в розовый компактный пакетик. Он вытер уже остывшие слёзы тыльной стороной левой руки, обратив внимание на то, что всё ещё держит в ней ложку. Рядом лежала пластмассовая коробка с почти растаявшим мороженым зелёного цвета.

Витя уставился в телевизор и принялся с жадностью доедать любимое лакомство.

Глава 2

– Витюша, прости, что разбудила. Надо собираться к доктору. Доктор Наташа, помнишь её? Только сначала выпей таблеточки, – сказала Лиза.

– Не помню. Не хочу таблеточки. Хочу спать, – заворчал мужчина.

Ночью он долго не мог уснуть, перечитывая свой блокнот. У него было много вопросов к тем записям, что накопились в его рукописях. Но на этот раз он не стал будить жену для поиска ответов. Последние страницы записей помешали ему сделать это. Всё очень просто можно было усугубить.

Но сейчас он ничего не помнил, ему хотелось спать. Хотя в блокноте он периодически писал, что врач Наташа хорошая, что она ему нравится, и что с ней интересно и весело, и, может быть, она его вылечит...

– Витя, надо вставать. Очень надо, – умоляла его жена.

– Иди ты! – вскрикнул мужчина, но тут же осёкся.

Его разум обрадовался идеи покинуть четырёхстенное пространство и выйти к людям. Не обязательно было с ними разговаривать. Главное – к ним выйти.

Тем более он хоть и не помнил кто такая доктор Наташа, но ему нравилось проводить с ней время, она вызывала доверие. В начале сеанса, он, как и всегда, неохотно шёл на

контакт, но потом ему действительно становилось хорошо. Легко и спокойно. Сейчас он про это не вспомнил, но ему определённо хотелось куда-нибудь пойти.

Витя вскочил со своей неудобной постели, которую он снова расстелил на полу, и пошёл в ванную комнату умываться, бриться, чистить зубы. Лиза тоже собиралась. У неё болела голова – вчера они с подругой немного выпили вина, и этого оказалось достаточно для плохого самочувствия. Но сегодня был особый день: её должны были повысить на работе до хорошей должности, куда она так давно стремилась. Но этого могло и не произойти, поэтому Елизавета сильно волновалась. Ещё волнения придавал тот факт, что сегодня ей приходилось отправлять Виктора в одиночку на такси на запланированный приём к доктору.

Ни то, ни другое мероприятие пропускать было нельзя, поэтому Лиза решила поступить просто: она отправит Виктора на такси к врачу, и Наталья встретит его у больницы. А днём Лиза сама заберёт мужа. Никуда он не денется, ведь он уже научился ходить в магазин за мороженым, правда торговая точка находилась на первом этаже дома, где они жили. Но с этим он справлялся. А тут будет такси до самых дверей больницы, где его встретит доброжелательная и приветливая Наталья.

Пока Елизавета переживала по поводу того, как Виктор доберётся до больницы, её муж уже собирался по полной программе. Он уже забыл, зачем ему надо куда-то собирать-

ся, но делал он это всегда с особой тщательностью.

Он начистил свои туфли, достал костюм из шкафа. Надевая белую рубашку, он понял, что она стала маловата. Но всё равно Витя смог застегнуть все пуговицы, кроме верхней. Его физическая форма значительно ухудшилась за последний год. Раньше он был стройным и подтянутым, но теперь появились лишние килограммы. Ну и да, проблемы с памятью. Пропал всяческий интерес к физическим упражнениям. Но всё это его ненадолго расстраивало лишь тогда, когда он изредка примерял свой гардероб.

На улицу он всегда выходил при параде. Ему это нравилось: костюм, галстук, часы, кожаный портфель, дорогой парфюм. Это было в его подсознании. В подсознании человека, вышедшего из грязи в князи. Хоть и не совсем в князи, а так, в мелкие феодалы. Но, по крайней мере, грязи точно не было. Всё быдло осталось там, за пределами территории элитного жилого комплекса. Хоть и хрущёвки находились в опасной близости, побег из преисподней Виктор считал делом свершённым. В прошлой жизни. Сейчас же на это ему было наплевать. Осталась только привычка наряжаться. Даже в магазин за фисташковым мороженым.

После примерки рубашки, Витя завязал галстук привычными движениями рук. Потом он натянул на пожиревший зад брюки, надел пиджак, который не стал застёгивать. Тёмно-серый костюм выглядел хорошо в сочетании с чёрным галстуком и белой рубашкой. Виктору очень понравился

свой прикид, он долго красовался перед зеркалом, забыв надеть часы и побрызгаться одеколоном.

– Витя, я собрала твой портфель, ты ведь его с собой возьмёшь? – подошла к мужу Лиза.

– Да, я возьму его, – Витя с готовностью взял массивный портфель из рук жены.

– Там твоя медицинская карта и мобильный телефон, на всякий случай, – сказала Лиза. – Сегодня ты поедешь на такси один. Доктор Наташа тебя встретит. Поездка будет автоматически оплачена с моей карточки. Я заберу тебя днём, не волнуйся.

– С чего ты взяла, что я волнуюсь? – грозно спросил Виктор. – Ты совсем что ли? Глаза свои кривые разуй.

– А почему ты надел сегодня чёрный галстук? – спросила Лиза, пытаясь резко сменить тему разговора, чтобы Витя забыл причину, по которой начал злиться.

– Потому что я хочу умереть, – грустно ответил муж, глядя на себя в зеркало. – Я хочу, чтобы был траур. По мне. Здесь невозможно жить, здесь можно только умирать.

Витя в очередной раз всмотрелся в зеркало. Помимо нескольких лишних килограмм было ещё что-то такое. Что-то не то. Вроде те же карие глаза, аккуратный нос, мужественный подбородок. Но что-то было не правильно.

Он понял. Ему не понравилась его причёска. Он был неаккуратно подстрижен. Раньше его стригли лучше. Ещё он заметил на своей тёмной шевелюре несколько седых волос. Но

они его не так расстроили как некрасивая стрижка с короткой чёлкой.

Просто теперь жена сэкономила на дорогих парикмахерах, и Витю стригла её подруга. Тот обычно был не против, хотя на дух её не переносил, за глаза называл индейцем. Даже тогда, когда у него всё было в порядке с памятью и психикой.

– Какого чёрта? – спросил он у отражения. – Что с моей причёской?

– Обувайся, пожалуйста, – вновь сменила тему разговора Лиза. – Ты отлично выглядишь!

– Спасибо, – кротко ответил Виктор, отпустив отражение в зеркале, наступив ногой на свои домашние шорты, которые он бросил на пол когда переодевался.

В их кармане лежало что-то твёрдое. Витя наклонился, чтобы достать предмет, который его заинтересовал. Это был блокнот. Мужчина положил его в нагрудный карман пиджака.

Раздался телефонный звонок. Лизе позвонил водитель такси, который уже прибыл на место вызова.

Лиза и Витя в лёгкой спешке вышли из дома. У подъезда их ждал «Рено».

– Пожалуйста, очень вас прошу, довезите его до дверей больницы! Оплата спишется с карточки!

– Лады, – небрежно ответил водитель.

Он завёл двигатель, когда холёный пассажир сел на заднее сидение. Сзади посигналили – «Логан» загораживал выезд

из двора.

– Спасибо! – крикнула Лиза вслед отъезжающему автомобилю.

– Как будто ребёнка везу, – тихо проворчал водитель.

Всю дорогу они ехали молча. Играло радио. Что-то очень современное, ритмичное, но неинтересное.

Потом они попали в пробку. Витя перестал пялиться в окно, потому что пейзаж перестал меняться с той быстротой, как меняется картинка в телевизоре.

Он нащупал в кармане что-то тяжелое и отложил в сторону портфель. Баюнов достал из кармана розовый пакет, в котором лежал блокнот и красивая железная ручка. Начал читать.

Сколько новой боли принесли строки, написанные когда-то его рукой.

Прошлое. Злая музыка. Злая? Хорошо, что радио вещало весёлые песни. О любви, наверное. О любви к жизни. Ни к человеку. Любовь к человеку это боль. Потому что люди несовершенны, а любовь это чувство абсолютное.

Жена. Жена есть, это уже хорошо. Но на последних страницах было написано, что она хочет подать на развод.

Неприятные ощущения охватили Витю. Яркое летнее утро перестало дарить положительные эмоции. Как бы то ни было, развода не хотелось. Хотелось любви. Не абсолютной. Обычной, семейной.

Таксист обратился к Виктору:

– Слушай, брат, давай я тебя здесь высажу? Тут идти совсем недалеко! А пробка такая, что до вечера простоим.

– Хорошо. Спасибо. До свидания, – сказал Витя, убирая блокнот в карман.

Он вылез из пыльного автомобиля, громко хлопнув дверью. Солнце ослепило его. Но оно уже не было таким обжигающим. Лето подходило к концу. Вокруг было очень пыльно. Плохо пахло.

Водитель хотел было отругать пассажира за громкий хлопок дверью, но раздобрел, увидев, что мужчина забыл в машине свой дорогой кожаный портфель. Клиент уже благополучно скрылся в толпе людей. У вокзала всегда было много народу.

Витя целенаправленно шёл в сторону здания с надписью «Железнодорожный вокзал». Шёл и пытался вспомнить, зачем он здесь. Вокзал – ожидание. Значит, надо чего-то ждать. Значит, время больше ничего не значит.

Мужчина в стильном костюме прошёл в зал ожидания и уставился на табло, указывающее наименование остановочных пунктов, время прибытия и отбытия, номер платформы. Среди неизвестной ему информации, он, бегая взглядом по строчкам, встретил знакомые буквы. Буквы, которые что-то значили, но что?

Баюнов зажмурился, пытаясь заставить изменчивую память работать. Но ничего не получилось. Он вновь уставился на табло, пытаясь найти те строчки, которые отозвались бы

в его памяти знакомством с реальностью.

Но не нашёл.

В досаде он плюхнулся на жёсткую скамейку. Что-то упёрлось в рёбра.

Витя достал из внутреннего кармана смятый пакет и крепко сделанный блокнот из коричневой кожи с железными вставками на углах и закладке. Следом он извлёк красивую ручку. Он открыл страницу с закладкой и вновь, как в первый раз, прочитал текст про развод. И про клад. Но на этот раз его внимание больше зацепилось за слово «клад». Информационное табло движения пригородных электропоездов и клад как-то состыковались в его разуме, и он вскочил со скамейки.

Подчеркнув «клад» жирным росчерком, мужчина аккуратно убрал свою канцелярию в пакет, а пакет спрятал в кармане. После этого он решительно направился к кассам, но вдруг почувствовал острый приступ страха. Давно он ничего не боялся. Страх был сильным. Захотелось остановиться, бросить всё. Но пока память что-то держит, надо идти вперёд. Ведь так просто её отпустить и упасть в состояние неведомости, несоприкосновенности с реальностью.

– Мужчина, до куда билет брать будете? – спросила женщина из аквариума.

Не аквариума, а кассы. Кассы пригородных направлений.

– До конечной, на ближайший, – сказал Витя.

Он начал шарить по карманам. Блокнот, ручка, шелест па-

кета, шелест бумаги. Бумага – деньги.

В узкое окно кассы Виктор положил пятьдесят рублей.

Женщина забрала деньги, сказала:

– Здесь до конечной не хватит!

– Значит, не до конечной, тварь ты глупая! – вскипел Витя.

– Как вы разговариваете-то?

– Сиди в своей конуре, и не гавкай! – громче крикнул Витя.

Те, кто встал за ним в очереди, отвели взгляды в сторону.

Никому не хотелось вмешиваться.

– Тут на половину пути только!

– Ты совсем что ли не врубаешься в то, что тебе говорят? – с угрозой сказал Виктор.

Женщина бросила ему билет, на который у него хватило денег. После этого она закрыла окно и побежала курить.

Баюнов взял билет и пошёл к турникету. Ему помогли разобраться с системой работы аппарата, после чего Виктор отправился на перрон. Перрон он выбрал тот, что объявили по громкоговорителю. Он счёл это за знак судьбы.

Как ни странно, контролёры, стоящие у входа, впустили его в вагон. Значит, всё было правильно. Витя выбрал место у окна. Через несколько минут поезд тронулся.

В вагоне было почти пусто. Восемь-десять человек, разрозненно сидящих у своих окон. Но Витя ни на кого не обращал внимания. Он некоторое время заинтересованно пя-

лился в окно, но это ему вскоре наскучило. Индустриальные пейзажи большого города, оставшегося позади, сменили однообразные картинки густоты леса.

Виктор вновь достал свой блокнот. Снова удивился, снова расстроился, снова задумался над словом «клад».

Убрав блокнот, он вновь начал всматриваться сквозь грязное стекло окна. Деревья, столбы, деревья, столбы. Ничего интересного. Потом он стал пристальнее изучать окружающую обстановку внутри вагона.

Его вниманием завладела девушка, сидящая с противоположной стороны, также, у окна. Но его интерес был не к самой девушке, а к лопате, что та держала в руке, уткнув в пол завёрнутый в газету черенок. Рукоятка была новой, древесина была чистой, ещё не знающей грязных рук и перчаток с пупырышками.

Лопата – клад. Сложилась головоломка в разуме Виктора.

Только потом он оценил внешность девушки. Она была стройной, с хорошей осанкой, возможно, спортсменкой. Маленькая грудь, крепкие ноги, женственные руки, но которым был не чужд и физический труд. Белокурые волосы были затянуты в аккуратный хвостик. Смазливые черты лица, минимум косметики, молодость. Ей было около двадцати лет, или чуть больше. Взгляд простой. Грустный, задумчивый. Но не тяжёлый, лёгкий. Будто её интересовало то, что творилось за окном. Белые наушники. Бежевые обтягивающие шорты до колен, удобные кроссовки. Синяя футболка, лёгкая белая

олимпийка. Небольшая спортивная сумка. Лопата.

Лопата.

Витя подсел к девушке. Он понимал, что его вопрос может звучать глупо, но было бы во много раз глупее начать разговор с фразы «привет, как дела».

– Тоже едете раскапывать клад?

– Что, простите? – вежливо переспросила девушка, стянув наушники.

Сразу стало заметно, что она стесняется посмотреть на собеседника.

– Тоже едете раскапывать клад? – повторил Виктор, но он пока не злился.

Девушка скромно засмеялась, и, не переставая улыбаться, сказала:

– Нет, к сожалению. Я еду к папе, буду помогать ему выкапывать не клад, а картошку. У него очень болит спина, а его старая лопата слишком тяжёлая, поэтому я купила новую. Суперсовременную. Только что-то она слишком похожа на старую.

Девушка вновь мило рассмеялась. Ей понравилось внимание мужчины в стильном костюме, который нелепо смотрелся в интерьере старой электрички, рядом с одетыми в практичные одежды дачниками.

– Картошку копать слишком скучно, лучше копать клад. Главное, знать, где он лежит, – серьёзно сказал Виктор.

Ему было важно не выпустить из внимания своё озарение

по поводу клада. Вроде оно было где-то рядом, а теперь растворилось, ослабив напряжение эмоций.

– А вы знаете? – с интересом спросила девушка.

– Единственное, что я сейчас точно знаю, так это то, что меня зовут Виктор, – сказал Баюнов.

– А меня зовут Лера, приятно познакомиться.

– Вы это сказали из вежливости или вам действительно приятно? – спокойно поинтересовался Виктор.

Но внутри него почему-то возник гнев, хотя злиться ему вовсе не хотелось.

– Если бы мне было неприятно, я бы продолжила слушать «Европу плюс» и попыталась бы сделать вид, что мне крайне не хочется с вами общаться, – просто сказала Лера.

Ей стало немного не по себе, первостепенный позитив разговора куда-то улетучился. Она не знала на чём сконцентрировать свой взгляд, не задерживая надолго своего внимания на собеседнике. С ней не в первый раз знакомятся в электричке, но приветственные фразы мужчины её заинтересовали, да и выглядел он солидно. Теперь она начала понимать, что первое впечатление пришлось некстати.

– «Европа плюс» это злая музыка? – спросил Виктор.

Разговор с Лерой как-то начал цеплять его внимание, у него в разуме появлялось много вопросов, которые он спешил озвучить.

– Нет, скорее просто развлекательная. Музыка, которую слушаешь, чтобы скоротать время и придать себе немного

позитива.

– А как вы думаете, чем тогда может быть злая музыка? – Виктор был заинтересован своими мыслями и ответами девушки.

– У меня был друг, он слушал очень тяжёлую музыку. Временами, злую. Но это была злость отчаяния. Такое слушать нельзя. Папа мой слушает рок. Старых исполнителей. Они не злые, полегче, но какие-то глупые. Пытаются казаться умными философами, а поют глупые вещи. Очевидные, напыщенные, пафосные. Но не злые. Так можно много направлений перебирать, но никто не покажется злым. Вы что-то конкретное имеете в виду?

– Хорошо, что спросили. Мне кажется, злая не сама музыка. А тот момент был злой, когда я её услышал. Было много злости. Зубов оскал, удар, – сказал Витя, аккуратно сделав жест рукой, изображая удар, но он не хотел никого задеть.

– Что ж, с музыкой мы немного разобрались, и, слава богу, – Лере стало неуютно.

Они ненадолго замолчали.

– Вы верите в бога? – спросил Виктор.

– Да. А вы?

– Не верю. Больше хочется верить не в то, что есть какое-то всевышнее существо, а в то, что есть справедливость. Настоящая высшая справедливость, позволяющая сохранить баланс, равновесие мира.

– Про высшее существо мне тоже думать как-то неумест-

но. Просто я верю, что есть божественное. Всё хорошее есть от бога, а остальное придумали люди. И мне тоже хочется верить в справедливость. Точнее, не верить, а знать, что она на самом деле есть...

– Знать, а не утешать себя тем, что всё получаешь по заслугам. Даже если заслуг никаких нет, – перебил девушку Виктор.

Ему понравились эти мысли. Жаль, что он вскоре всё забудет.

– Да, вы правы, – согласилась Лера.

Она немного боялась бесед на религиозную тему. Для неё религия всегда была слишком личной темой.

Они поболтали ещё обо всём и ни о чём. Успели затронуть даже философские темы. В середине их разговора в вагон зашли контролёры, проверили у молодых людей билеты и неспешно удалились. Несмотря на содержательную беседу, для Леры время шло медленно, она немного нервничала. Для Виктора понятия времени не существовало.

– А куда вы едете? – спросил Виктор.

– В смысле, до какой станции? До конечной еду. Я сама родом из той деревни. В городе приходилось комнату снимать. А вы откуда родом?

– Я родился в городе, – с лёгкостью вспомнил Виктор. – Тоже еду до конечной.

– В гости?

– Нет, – честно ответил Витя.

Но дальше замешкался с ответом, забыв о цели своей поездки.

– Простите, я лезу не в своё дело! Можете не отвечать, я просто так спросила, – извинилась Лера.

– Всё нормально, – сегодня Витя был в хорошем расположении духа.

По крайней мере, в эти мгновения.

Наступила неловкая пауза. Мужчина впал в некое подобие транса, глядя перед собой. Его мозг вновь начал совершать некую перезагрузку, стирая информацию, добытую за последние минуты.

– Я должен сказать, что у меня серьёзные проблемы с психикой. Точнее, что-то не так с памятью. Я не знаю. Извините.

– Но по разговору вы не производите такого впечатления, – сказала Лера.

Хотя она успела заметить, что иногда её собеседник задавал повторяющиеся вопросы, правда, в другой формулировке.

Виктор изложил скоропостижно пришедшие ему в голову мысли:

– С подросткового возраста я стал немного замкнутым. Точнее, не немного, а много. Мне не нравилось общаться с людьми. Я тогда думал, что я сумасшедший. Но я вырослел, социализироваться стало просто жизненно необходимо, надо было начать общаться с людьми, хотелось мне этого или нет. И чем больше я общался с людьми, тем больше понимал.

Понимал, что сумасшедший не я. А потом общение наладилось, и я стал таким, как все. Сумасшедшим.

– Хорошо, что к вам приходит понимание этого. У вас всё в порядке с самооценкой. А у меня наоборот. Я понимаю, что люди могут вести себя неправильно, но всегда нахожу оправдание их поведению. Для себя же я оправдания не нахожу, и это тревожит меня.

Станный получался для неё разговор. Она была слишком болтлива, несмотря на внутренний дискомфорт. Но девушка списала это на то, что у неё был серьёзный стресс в последнее время, и эта общительность не более чем необходимость в том, чтобы высказаться. Быть услышанной тоже важно, но не так уж и обязательно.

– Вы совершаете неправильные поступки? – поинтересовался Виктор, ведь девушка ненадолго показалась ему ангелом.

– Все их совершают. Вот, например, после школы я поступила в техникум. Получила диплом. Потом собралась поступать в институт на бюджет. Но провалила экзамены. Отец меня чуть не убил. Что ж, попытаю счастья в следующем году, – рассказала Лера про основную причину своих переживаний.

– Но это ж не проступок! Этим вы никому не причинили зла. Разве только себе и своему будущему. И то, про будущее вопрос очень спорный. У меня есть диплом, но в жизни мне больше понадобилось умение не бросать начатое дело, тру-

долюбие и внимание к деталям.

– По крайней мере, мой отец считает, что это большая трагедия...

– И вы начали считать также? – перебил Витя.

– Для меня это тоже трагедия. Но, помимо своих переживаний, для меня ещё и неприятны периодические упрёки от отца. Моя неприятность стала неприятнее в два раза, когда я не получила поддержки от близкого человека.

– У меня нет родителей. Но когда они были, я прекрасно справлялся и без их поддержки. Ждать от кого-то поддержки очень ненадёжное мероприятие. И не нужное.

– Да, но многим людям важна моральная сторона вопроса. Доброе слово лечит, даёт сил.

– Со временем вы поймёте, что в жизни важнее материальная составляющая, а не моральная. Вкладывать в чувства невозможно. Это ненадёжный депозит. Это лишние расходы, не всегда приносящие доходы. Поэтому лучше копить деньги, чем чувства.

В вагон снова вошли контролёры. Проверив билет у Леры, грузная женщина отказалась принимать билет от Виктора.

– Вы проехали свою остановку!

– Этого не может быть! – возразил Баюнов.

– У вас билет до пятой зоны, вы проехали свою остановку!

– Я еду до конечной!

– Конечная – это десятая зона! Платите, или сейчас высадим!

– Твою мать! – с чувством сказал Виктор.

Он порыскал по карманам, достал пакет с записной книжкой. Больше в его карманах ничего не было.

– Высаживайтесь, – настаивала женщина.

– Нет! Мне надо! – начинал злиться Виктор.

Он начал тяжело дышать, нервничая. Его разум перестал понимать, кто все эти люди, что его окружили, и что вообще происходит.

– Я заплачу. Скажите, пожалуйста, сколько нужно заплатить?

Лера заплатила за Виктора, контролёры ушли. Мужчина быстро успокоился, перелистывая страницы своей записной книжки. Лера не смотрела, что было написано в его книжечке, хотя ей очень хотелось. Она отвернула голову к окну, там продолжал мелькать однообразный пейзаж, состоящий из столбов да деревьев, разбавляемый деревеньками и остановочными пунктами.

Виктор вновь убрал блокнот в пакет. А пакет спрятал во внутренний карман пиджака. Сказал:

– Я, похоже, потерялся. Но мне от этого стало только легче.

– Вам нужна помощь? – с готовностью спросила Лера.

– А кому она не нужна? Я думаю, каждому нужна помощь.

Девушка не знала что ответить. Повисла пауза. Стучали колёса, по громкоговорителю не внятно передали какую-то информацию.

Лере тоже нужна была помощь. Ей не хотелось возвращаться домой, ей не хотелось сталкиваться с негативом отца, ей не хотелось начинать этот учебный год с поиска неинтересной работы вместо учёбы в институте.

А Витя отключил поток своих мыслей. В затянувшемся молчании он стал рассматривать девушку, которая сидела рядом с ним. Она немного нервничала, теребя заусенцы на пальцах, отодвинув в сторону новую лопату. Блондинка была молодая и симпатичная. Но последние строки записей в блокноте резко всплыли в памяти Виктора. Нужно было действовать.

– Девушка, а вы тоже едете копать клад?

– Вы уже спрашивали. Я вам рассказала, что мой клад это картошка в огороде, – сказала девушка.

Только сейчас Лера задумалась о том, что мужчина без гроша в кармане какой-нибудь наркоман или социально опасный сумасшедший, хоть он и показался ей поначалу умным, симпатичным. Ещё он показался обеспеченным. Но этот случай с контролёрами ввёл её в ступор. Но, может быть, это какая-то проверка на милосердие?

– Я спрашивал? – искренне удивился Виктор. – Тогда я говорил, что мне нужна лопата.

– Вы завели со мной знакомство только ради моей лопаты?

– Простите. Я просто немного не в себе. На это есть причины. Я женат. Но жена хочет развестись со мной. У нас про-

блемы с деньгами, я просто обязан найти этот клад.

– Вы знаете, что где-то в моей деревне есть клад?

– Знаю, но тут есть ряд сложностей. Что эпизодически я в чём-то уверен, но потом эта уверенность пропадает, будто бы я и не знал ничего.

– Просто какая-то невероятная история, похожая на чушь. Это новый способ подката? – позволила себе грубость Лера.

Позволила и испугалась.

– Я понимаю ваше недоверие. Но у меня не такой большой выбор. Клад очень нужен мне. Сколько денег вы хотите? Я возьму себе столько, сколько мне понадобится на квартиру, а остальное отдам вам. Только помогите мне! Это не сложно, наверное, – Виктор запнулся, начиная понимать абсурдность своих слов.

– Вы думаете, вам можно верить?

– Есть только один способ проверить это. Довериться мне. Там должны быть хорошие деньги, – уже начал верить в свои слова Виктор.

– Перед нами мужчина сидит. Несколько рядов от нас впереди. С самого начала поездки он следит за нами. Постоянно смотрит на вас. Вы знакомы?

– Кто? Он? – Виктор понял, о ком говорила Лера.

Он как раз встретился с этим неприметным гражданином взглядом. Этого мужчину он видел впервые. Вроде бы.

Баюнов медленно поднялся со своего места и подошёл к «шпиону» вплотную. Тот вопросительно посмотрел на него.

Виктор оценил своего оппонента. Пожалуй, он смог бы его избить как следует за один только наглый взгляд. Противник был худой, коротко стриженный, взгляд его был слегка туповат. На вид мужчине было тридцать-сорок лет. Спортивный костюм и неспортивное телосложение. Небольшая чёрная барсетка с чем-то увесистым.

– Ты меня знаешь? – спросил незнакомец.

– Не знаю, и знать не хочу. Что ты на меня смотришь? Тебя давно не били? – начал злиться Баюнов.

– Да остынь ты! Я просто так на вас смотрел! Вы очень красивая пара, у тебя симпатичная маруха. Что, посмотреть нельзя? – оправдывался мужчина.

Его гнусавый голос злил ещё больше.

– Ты кто такой? – напирал Витя.

– Вован, – ответил мужчина. – Да успокойся ты!

– Три кота – три хвоста. Три хвоста – три кота...

– Ты чё, дурачок, да? – спросил Вован.

– Три кота – три хвоста, – закончил бормотать Баюнов, сжимая кулаки.

После театральной паузы, Виктор перестал себя сдерживать. Не помогли ни коты, ни хвосты. Он ударил несколько раз Вована в корпус, тот припал на сиденье скамейки, прикрываясь барсеткой. Удары Вити были сильными, но бестолковыми – он ни разу не попал по болевым точкам гоповатого мужчины, но тот не стал ничего предпринимать в ответ. Несколько пассажиров покинули вагон, а кто-то продолжил

с интересом наблюдать за действием.

– Прекратите! – пискляво крикнула Лера, встав со своего места.

Витя прекратил, обернувшись на крик стройной миниатюрной девушки. Та, заметив его внимание, заспешила на выход. Виктор догнал её в тамбуре.

– Пожалуйста, извините, я немного не в себе... – сказал Виктор.

– Из-за того, что на вас смотрел незнакомый мужчина, или потому что от вас решила уйти жена? Вы, наверное, себя так часто ведёте? – Лера удивлялась своей наглости в такой стрессовой ситуации.

Ей стоило убежать, не связываясь с неуравновешенным молодым человеком, но она не убежала. Мужчина действительно выглядел растерянно, подавлено, беспомощно. Он, наверное, действительно нуждался в помощи.

– Вы что-то знаете про мою жену?

– Много – не знаю. Только то, что вы рассказали про развод и про клад.

– Я дам вам денег. Отдайте мне лопату, – всплыли мысли про клад в памяти Виктора.

– Не отдам. Меня отец заругает. Нам нужна эта лопата, – не захотела расставаться со своим имуществом девушка.

– Прошу, – простонал Витя.

По громкоговорителю объявили название станции, на которую прибывал состав. Далее в записи следовала фраза:

«поезд дальше не идёт».

– Отдай мне эту чёртову лопату! – закричал Витя.

Лера напугалась его крика, но не нашла в его взгляде агрессии. По крайней мере, у её отца взгляд был более безумным, чем у этого человека.

Но, разумеется, лопату она отдала.

– Большое вам спасибо, вы меня очень выручили, – вежливо сказал Виктор.

Двери открылись, на пустой перрон вышло несколько человек. Лера и Витя были в их числе. Поезд отправился в тупик.

Мужчина начал оглядываться по сторонам, девушка держалась от него поодаль, мечтая поскорее дойти до дома, где её ждал отец. У него болела спина. Может быть, этот фактор спасёт её от его гнева по поводу потери лопаты, купленной на его деньги. Лера не работала, пока пыталась поступить в институт.

Витя вновь встретился взглядом с мужчиной, которого он попытался избить в вагоне. И тут память его не подвела. Он стремительно кинулся в сторону Вована. Тот не на шутку напугался – лопатой можно было и насмерть забить.

– Ты чего за мной следишь? – яростно закричал Баюнов.

– Нет! Я на дачу приехал!

Витя замахнулся лопатой, но не решился нанести удар. Вован спешно пытался что-то нащупать в своей барсетке, медленно отступая.

– Пожалуйста, уходите. Не идите за ним по следам, – вмешалась в конфликт Лера.

Она почему-то решила, что её присутствие в жизни Виктора ему необходимо. И, может быть, необходимо и ей. Да и неприятно было лишиться лопаты. Отец будет сильно ругать. А так – вдруг появится шанс её вернуть.

– Я ухажу, ухажу, – сказал Вован, удаляясь подальше от вспыльчивого мужчины.

– Пойдёшь со мной? – Виктор переместил своё внимание с Вована на девушку.

– Пойду, – ответила Лера.

– Я иду выкапывать клад. Хорошую часть отдам тебе. Себе заберу столько, сколько нужно для дела.

– Хорошо, – согласилась Лера.

В клад она не верила, но пока не придумала, как может помочь симпатичному мужчине с совсем несимпатичным расстройством психики. А помочь ему следовало обязательно, ведь для неё был очевиден тот факт, что без её участия Виктор угодит в беду.

Они сошли с перрона, мужчина с новой лопатой уверенно двинулся в сторону трассы. Девушка шла за ним.

– Как думаешь, сколько именно мне нужно для дела? – спросил Витя через несколько мгновений.

– Это очень хорошо, что мы перешли на «ты», но я не знаю, сколько вам нужно, – сказала Лера.

– А разве мы не знакомы... долгое время? – немного уди-

вился Виктор.

– Наверное, вполне долго, чтобы перейти на «ты». И после этого дела, я хотела бы забрать лопату.

– Конечно. Ещё у тебя будет столько денег, что ты купишь себе много лопат. Возможно, купишь даже золотую. Одну. Или несколько. Там много было. Нужна тебе золотая лопата, раз тебе так нужна эта, обычная?

– Эта лопата нужна моему отцу. Мне больше бы хотелось получить независимость от него. Если клад действительно существует, то это было бы просто замечательно, – грустно сказала Лера.

Её посетило тревожное чувство, что приключения только начались.

– Я понимаю, что мне сложно поверить. Я и самому себе не верю. Своей жизни, своей памяти. Но на данный момент времени, у меня есть твёрдая уверенность в своей правоте. Твёрдая уверенность мне очень помогала в жизни, в работе. Были моменты, когда только такая уверенность помогала успешно завершить проект.

– А кем ты работаешь?

– Я? – зачем-то переспросил Виктор.

На самом деле, он не помнил, как именно называется его профессия, какая запись стоит в его трудовой книжке. Менеджер?

– Менеджер, – сказал он, после паузы на размышления.

– Хорошая работа – менеджер, – сказала Лера.

Ей становилось всё тревожнее на душе. Её родная деревня осталась позади. Они свернули с трассы на просёлочную дорогу, которая вела к реке, полю и лесу. А лес уходил на много километров вглубь необъятной Родины. Того места, где родился, и где изо всех сил пытаешься пригодиться.

– Думаешь? Серьёзно так думаешь? – Виктору казалось, что его профессия не дала ему удовольствия от жизни.

– На самом деле я думаю о другом.

– О моём кладе? – засмеялся Виктор.

Эта мысль его обрадовала только потому, что он понял, что запись в его блокноте никак не хочет покидать его голову. Она твёрдо засела в его мыслях.

– Виктор, не пугай меня, пожалуйста. Я и так себя чувствую очень глупо. Иду с человеком, который... которого я совсем не знаю.

– Меньше знаешь... лучше аппетит, и нет проблем со сном! – Витя был на редкость весел.

Жёлтое солнце давало ровно столько тепла, сколько было нужно, чтобы не замёрзнуть и не вспотеть от быстрого шага. Дул лёгкий ветер. Высокая трава по краям дороги кланялась навстречу кладоискателям. Вдалеке чернел густой лес. С правой стороны было бескрайнее поле, а с левой обрыв, там текла быстрая река.

А на душе у Виктора было хорошо. Он верил в то, что всё ещё может быть хорошо. День был замечательный.

– А далеко ещё идти?

– Куда? – резко остановился Виктор.

Оглянулся, посмотрел с недоверием на девушку, уныло плетущуюся за ним.

– Клад. Развод. Развод с женой, – поспешно напомнила Лера.

Она снова напугалась, ей хотелось бежать. Она поняла, что ей нужно бежать. Это было очень глупо идти за этим человеком, но механизм работы его сознания она уже поняла.

– Я помню, – серьёзно сказал Баюнов.

Он продолжил свой путь, уже менее уверенно делая шаги по пыльной дороге.

Небо стало темнее, мыслей стало меньше. Лера подумала о дожде и будто смирилась. С любым исходом. Может «эти дни», а может и вовсе – «эти года». Года, что сложились в одну большую бездонную печаль. Тоска по рано умершей матери, по одиночеству, в котором комфортно деградировать, уходить всё дальше от жизни, которой живут обычные люди. Да, это не «эти дни». Это чёртовы года бессмысленности.

Она много читала книг. Бытовая фантастика, где после долгой печали случалось что-то хорошее, навсегда хорошее. Но также она читала и реальную прозу. Про тот же быт, но без хорошего навсегда. На протяжении всей книги, всей жизни. В первую разновидность прозы больше хотелось верить, нежели примерять на себя беспробудность реалий. Но на то они и книги.

Было страшно закончить жизнь. Но было страшнее про-

должать её также: в ожидании беспочвенной радости.

Сумасшедший маньяк вновь обрёл энтузиазм, ускорил шаг. Жертва послушно следовала за ним, изредка спотыкаясь о непонятно откуда взявшиеся на дороге камни.

– Как ты думаешь, какое число самое счастливое? – спросил Виктор, и побежал.

Лера побежала за ним. Мужчина быстро выдохся, но не сбавил шаг. Девушка бежала следом, пытаясь что-то ответить про числа.

– Три, или, может быть, семь? – предположила Лера.

– Три, или, может быть, даже семь. Семь. Пусть будет семь, – сказал, запыхавшись, Витя.

У него закололо в боку, он свернул в поле, держа курс к одиноко стоящему дереву.

Они добежали до огромного дуба, немного отдышались. Лера осмотрелась. Из-за высокой травы не было видно дороги. А лес был совсем близко. Она давно не была в этом лесу. Ей совершенно стало не интересно ходить за грибами и за ягодами тогда, когда она впервые поняла, что всё в её жизни зря. Не стоят ни белые, ни шабонька того, чтобы тратить на них своё время. Может быть, она это поняла слишком поздно?

Зато на чужую больную фантазию время было.

Виктор встал под деревом, аккуратно под огромной, тяжёлой веткой, которая могла свалиться ему на голову в любой момент. Дуб был сухим, на нём почти не было листьев.

Дерево медленно умирало, а Баюнов отсчитал семь больших шагов, и принялся активно махать лопатой. Лера стояла рядом, глядя на то, как работает мужчина. Он весь запыхался, покрылся потом, но не снял своего пиджака.

Виктор заметно торопился. Вырыв приличную яму, он бросил лопату и выпрыгнул из ямы.

– Подожди пока здесь. Я скоро приду. Точнее, сейчас приду, – простонал Витя и согнулся пополам в приступах боли.

– Тебе плохо? – участливо спросила Лера, тронув мужчину за плечо.

– Нет! – оскалился Виктор, потом выпрямился и быстро направился в сторону леса. – Живот заболел! Сейчас приду!

Лера осталась растерянно стоять одна, у небольшой ямы, глядя в спину стремительно убегающего мужчины. Когда тот скрылся в густом кустарнике, она решила помочь выкопать яму, стараясь отгонять от себя мысли о том, что копает её для себя...

Буквально через пару мгновений она наткнулась на что-то мягкое. Новый приступ страха сковал её движения. Ей показалось, что она откопала покойника. Немного поведив лопатой по сырой земле, она очистила от чернозёма большую чёрную сумку. Видимо до этого, Виктор повредил лопатой поверхность сумки, и Лера увидела сквозь ровное рассечение на ткани прозрачный пакет, скрывающий пачки пяти тысяч купюр.

Из ступора девушку вывел гнусавый, прокуренный голос

Вована:

– А осень будет урожайной!

Глава 3

Вован появился внезапно. У него в руке был пистолет. Мужчина приблизился к девушке вплотную, той даже пришлось немного отпрыгнуть в сторону, чтобы не заслонять яму – Вована явно интересовала сумка, лежащая на дне. Он достал её, немного отряхнул от земли, вытащил охапку купюр и засунул их себе в карман, воровато оглядываясь по сторонам.

Потом он сообщил девушке:

– Короче, видишь пыль со стороны дороги? Это серьёзные люди едут. Мои кореша. Если они тебя поймают, не говори, что это я тебя отпустил. Дай сюда свой телефон и беги. Беги, как можно дальше! Некогда мне с тобой возиться. В другой раз потанцуем, если что!

Лера протянула бандиту свой телефон и бросилась бежать по высокой траве к лесу. Она видела издалека, как Виктор возвращается к тому месту, откуда она была вынуждена убежать. Он не заметил её, как и не заметил Вована. Что было дальше, Лера уже не знала и не хотела знать.

Вован, угрожая пистолетом, заставил немного заблудившегося Виктора встать лицом к дереву, убрав руки за голову.

Вскоре приехали сообщники Вована на большом сером джипе. Они тоже обрадовались находке. Вован постоянно

держал с ними связь, пока следил за Баюновым. А следить пришлось не только в этот день, но и во многие другие дни.

Вован, вместе с тремя сообщниками, затолкали озадаченного Виктора в автомобиль, после чего они все вместе поехали дальше по дороге в лес. Тяжёлый автомобиль ехал медленно.

Общее молчание прервал один из бандитов, что сидел рядом с водителем. По всей видимости, он был старшим в этой шайке. Он спросил:

– Ну, Витёк, ты чего, не узнал что ли никого из нас?

– Первый раз твою рожу вижу, – ответил Виктор.

– Раньше ты был вежливее, – не обиделся мужчина с татуировкой на шее.

– Откуда тебе знать, каким я был раньше, овощ чёртов? – начал «закипать» Баюнов.

Он уже успел забыть, как оказался здесь. Ему хотелось домой, поесть фисташкового мороженого перед телевизором.

– Убедительно лепишь. Но всё равно не верю. Сюда же смог приехать, значит...

– Это вы меня сюда привезли! Куда мы едем?! – разозлился Виктор, пытаясь освободиться от объятий Вована и ещё одного бандита, который был значительно крепче.

– И, правда, куда мы едем? Мы можем проехать лес насквозь, чтобы обратно не возвращаться? – обратился мужчина с татуировкой на шее к водителю.

– Нет, надо будет вернуться, я не знаю, куда заведёт эта

дорога, – сказал водитель, белобрысый мужчина.

Ему было жалко гробить джип на этом бездорожье. А гробить Виктора ему было не жалко.

– Так навигатор тебе зачем, кретин? – подал голос Вован.

– Навигатор вообще показывает, что мы посреди болота едем, – ответил водитель.

– Ладно, ещё немного вглубь леса проедем, и хватит, – сказал главарь шайки.

– Куда вы меня везёте? – спросил Виктор.

– Ты лучше вот что нам скажи, кто-нибудь ещё знает про деньги? – спросил обладатель тату на шее, бережно поглаживая грязную сумку, что лежала у него под ногами: ему не терпелось посчитать деньги, хранящиеся в ней.

– Какие, к чёрту, деньги? – не понимал Виктор.

– Вован, что скажешь?

– Валить его надо, – ответил Вован. – Я почти год за ним следил. Он реально «того». Нет у него больше памяти. Как сюда-то добрался непонятно. Видимо, озарение какое-то было. Надо валить, и дело с концом.

– Тебе лишь бы кого завалить, – усмехнулся главный среди бандитов. – За твой косяк с Федей тебя самого валить надо было.

– Помнишь Федю? – спросил молчавший до этого лысый мужчина, сидящий с левой стороны от Виктора.

– Не помню, – честно ответил Виктор.

В нём боролись чувство страха с чувством злости.

– Из-за Феди на нас так никто и не вышел, – негодовал Вован. – А я год этого чухана выслеживал. Деньги раздобыл. Как дурак с травматом ходил всё это время. Верните мне мой пистолет, а то самому смешно уже!

– Пистолет не вернём, – сказал главарь. – А то ещё кого завалишь по глупости своей. А насчёт денег, ты, конечно, молодец.

Джип остановился у небольшого деревянного моста, под которым текла быстрая река.

– Дальше не поеду, мост может провалиться, – сказал водитель.

– Тогда приехали! – радостно сказал лысый и с силой вытащил Баюнова из машины.

Остальные бандиты тоже вылезли из автомобиля. Баюнов хотел было дать отпор за грубое обращение, но его несколько раз ударили в область печени. Ему было больно, сопротивляться резко расхотелось.

Главный бандит достал пистолет и направил его на Виктора. Того с помощью ещё нескольких ударов усадили на грязную дорогу. Он прислонился спиной к пыльному автомобилю и скорчился от боли – слишком удачными были удары бандитов.

Главарь, целясь в упор в голову Баюнова, сказал:

– У тебя теперь не должно быть не правильных ответов. Иначе вслед за Федей отправишься.

– Сам иди к своему Феде, – сказал Виктор.

– Кто-нибудь ещё знает про деньги?

– Я сам-то про них не знаю ничего.

– Ладно. Спрошу больше для интереса, а не для дела. Может, перестанешь дурака валять. Зачем всё-таки вы с Фёдей деньги решили украсть? Вы их хотели вернуть обманутым людям, или себе бы оставили?

– Я не знаю, о чём ты говоришь, напальчник дурной, – грубил Виктор.

Но его грубость у бандитов вызывала только улыбку. Нет, им не было жалко Баюнова.

– Шеф, мне кажется, тут денег меньше, чем они реально тогда взяли, – вдруг сказал белобрысый водитель, задумчиво прикидывая вес сумки.

– Да, нет. Там всё! – сказал Вован.

– Ну, всё, так всё, – вновь прицелился главарь, приставив пистолет ко лбу Виктора.

– Вали уже! – сказал в нетерпении Вован.

– Вижу, тебе больше хочется это сделать, – сказал мужчина с татуировкой.

Виктор даже смог рассмотреть корявого дракона на шее, пока главарь отдавал пистолет Вовану. Тот схватил оружие с готовностью тут же его применить. Он резко направил оружие на Виктора.

– Три кота – три хвоста, – только и сказал Баюнов.

Он чувствовал, что теперь ему остаётся только молиться, но никаких молитв он не знал. Может быть, от этого его

страх заслонила злость, подобная взрыву.

Виктор отмахнулся от пистолета рукой, выбив оружие из руки Вована. В это же мгновение Баюнов вскочил на ноги, легко оттолкнув в кусты человека, который только что был готов нажать на курок.

Потом Баюнов хорошенько приложился кулаком по лицу подоспевшему на помощь Вовану боссу бандитов. У того на некоторое время серьёзно нарушилась координация движений. Быстрее всех сориентировался водитель джипа. Он достал оружие и открыл огонь из своего ПМ. Мгновение спустя начал стрелять и лысый громила. Вылез из кустов и Вован. Огнестрельное оружие, которое он выронил, мужчина так и не нашёл, зато смог достать из барсетки свой травматический пистолет и, скорее за компанию, нежели желая нанести реальный урон стремительно убегающей жертве, тоже открыл огонь.

А Виктор, не теряя времени на чужую скорость прицеливания, сделал несколько шагов по шаткому деревянному мосту, и, без оглядки, прыгнул в узкое, но бурное русло лесной реки.

Водитель, лысый и Вован истратили все свои патроны, но было не ясно, достиг ли хоть один их выстрел цели: Виктор свалился в воду от ранения или это был ловкий манёвр. Когда мужчина с татуировкой на шее нашёл в траве свой пистолет, Баюнов уже скрылся в водах быстрой реки.

– Сдох ли? – поинтересовался Вован у остальных.

– Давай тебя скинем, проверим, выживешь ли ты, – злобно сказал главный бандит.

– Можно пройтись вдоль русла, посмотреть, где его к берегу прибьёт, – предложил белобрысый водитель.

– Разворачивай машину, поехали обратно. К берегу не подберёшься, одни кустарники кругом. Чёрт с ним. Главное, деньги у нас, – отдал приказ человек с насыщенным криминальным прошлым и некрасивой татуировкой.

Бандиты уехали, а Баюнов, не скоро, но всё-таки смог выбраться на берег сквозь острые колючки кустарников.

Он совсем не понимал, что происходит. Более того, он даже не помнил, как оказался в ледяной воде.

Дрожа от холода, он выскочил на берег. Выбравшись из зарослей, Виктор быстро нашёл дорогу, и лёгкой трусцой побежал по ней вперёд, не разбирая пути.

Совсем недавно по дороге проехал автомобиль: пыль ещё клубилась в воздухе, и Виктор, поддаваясь только своей интуиции, бежал по следу большого серого джипа, стремительно направляющегося в город.

Миновав лес и поле, Виктор выбежал к деревне. Первое, что попало ему на глаза – это пустой перрон и небольшой магазин около него.

Забыв про дискомфорт от мокрой одежды, мужчина зашёл в магазин и потребовал фисташкового мороженого. Но, когда выяснилось, что у него совсем нет денег, он был вынужден покинуть тесное помещение магазина под руга-

тельства толстой продавщицы. Виктор, конечно, тоже не остался в долгу, вдоволь выругавшись в ответ.

Силы почти покинули Баюнова, он сел на скамейку на перроне. Подул ветер, мужчину затрясло от озноба.

Его даже не злило его плохое состояние, его накрыла самая настоящая тоска, избавиться от которой никак не получалось. Он помнил кто он, даже припоминал о том, что где-то у него есть дом, жена, какая-то работа, связанная с недвижимостью. Это всё есть, но прошлого будто бы и нет. Как и нет будущего. Разве можно отсюда куда-то уехать, когда совершенно не знаешь, куда тебе ехать? Что или кто уберёт эту глухую пустоту из души?

– Виктор, ты в порядке? – поинтересовалась какая-то молодая симпатичная девушка у отчаявшегося мужчины, который смотрел на неё, не признавая в её лице знакомых черт.

– Ты кто? – спросил Баюнов хриплым голосом.

На какое-то мгновение Лера захотела просто развернуться и уйти, оставив своего недавнего попутчика в одиночестве на перроне. Слишком много из-за него вышло неприятностей. Ей впервые пришлось пообщаться с настоящим бандитом, возможно, убийцей. Да к тому же, отец сильно ругался из-за того, что она, по её же словам, оставила новую лопату в электричке. Он был просто в бешенстве. И это он ещё не узнал о том, что у неё больше нет мобильного телефона – об этой потере она пока решила не рассказывать.

Ненадолго выйти из тяжёлой домашней атмосферы её за-

ставила нужда в покупке сахарного песка, который подходил к концу. Нужно было варить варенье, поэтому пришлось срочно идти в магазин. Обратный путь она решила максимально усложнить, чтобы подольше не возвращаться домой. И встретила Виктора.

– Меня зовут Лера. Мы знакомы. Я вижу, тебе плохо, надо вызвать скорую.

– Не надо, я в порядке, – сказал Виктор и попытался встать со скамейки, но у него сильно закружилась голова.

Лера полезла в карман своей олимпийки и не обнаружила там своего телефона. На мгновение она забыла, что осталась без средства связи. Да, нелепая получилась история. По всей видимости, Виктор так и не заполучил свой клад. Зато он остался жив, хоть и не совсем здоров.

– Пошли со мной. Можешь идти? – Лера помогла мужчине подняться.

Дом её отца был недалеко от перрона. Они медленным шагом дошли до него за десять минут. Близился вечер.

– Это кого ты мне тут привела? – тут же отреагировал отец Леры на незваного гостя.

– Он очень нуждается в помощи, ему плохо! Вызови, пожалуйста, скорую! – попросила Лера, снимая с Виктора его мокрый пиджак.

– Не буду я никуда звонить! Ты на мой вопрос не ответила, сикуха! Кого ты мне тут привела?! – закричал старик. – Скорую ему. Сюда скорая никогда и не приезжала! Пусть

так умирает, наркоман сраный! Ты тоже хороша, мандадрыга мелкая! Увидела первые попавшиеся штаны, так сразу готова их домой принести.

Пожилой мужчина с болезненным цветом кожи, закончив свой монолог попытался резко подняться со стула, на котором сидел, изучая новостной раздел несвежей газеты. Но попытка встать на ноги не увенчалась успехом, его спину пронзила острая боль. Мужчина так и остался сидеть, только теперь его злое выражение лица сменилось на гримасу страдальца.

– Так тебе и надо, старая больная обезьяна! – Виктор заметил, из-за чего незнакомый мужчина перестал обзывать свою дочь, которая была очень добра к Баюнову.

Ему стало интересно, давно ли он с ней знаком, и в каких они отношениях состоят.

Лера уложила раздетого до трусов Виктора на свою кровать, укрыла одеялом.

– Я тебя сейчас урою, чёртгов засранец! – ругался с кухни пожилой мужчина, но боль в спине, а может быть и страх, мешали ему претворить свои угрозы в жизнь.

Лера волновалась, но старалась не слушать отца. Сегодня он точно не сможет её ударить. Девушка спросила:

– Витя, может быть ты помнишь, как позвонить твоей жене, или кому-нибудь из близких?

– Я не помню. Я ничего не помню, – сказал Витя. Он лежал под тёплым одеялом, но никак не мог согреться.

– Помоги мне подняться! – обратился пожилой мужчина к своей дочери, но та его продолжала игнорировать. – Привела кого-то, при живом-то отце, проститутка!

– Заткнись там, трухлеть! – крикнул охрипшим голосом Виктор.

– Щенок! – отозвался мужчина, чуть не упав со стула.

– Яйцо собачье!

– Рот пороссячий!

– Хватит, а, – вмешалась Лера.

– Посмотри, пожалуйста, что у меня в карманах, – попросил девушку Витя.

Лера обыскала одежду Виктора, которую до этого успела повесить сушиться на веревке, на кухне. Нашла розовый пакет, в котором что-то лежало. Свою находку она протянула Виктору. Тот с интересом несколько минут изучал блокнот, который, несмотря на контакт с водой, в полной мере сохранил в себе все записи, хоть и остались многочисленные жёлтые разводы на его страницах – от большего урона его спас пакет.

– Как тебя зовут? – спросил Виктор у Леры, когда та, под ругань своего отца, искала его мобильный телефон, чтобы вызвать скорую помощь.

– Лера, – ответила девушка.

Мужчина что-то написал в своём блокноте, потом перевернул страницу и протянул его девушке.

– Напиши что-нибудь, – попросил он.

– Что написать?

– Не знаю.

Лера быстро, своим идеальным почерком, написала то, что сразу пришло в голову: «Виктору от Леры на долгую память»

Что ещё ей нужно было написать? Но Виктору этого было достаточно, он выхватил ослабшей рукой блокнот из рук девушки, перелистнул страницы на самое начало и отдал Лере. Эти движения дались ему с трудом. Он закрыл глаза, больше не реагируя на внешнюю обстановку.

Лера нашла номер телефона супруги Виктора на первой странице его записной книжки. После этого в течение двух минут она отыскивала старый кнопочный телефон отца. Пожилой мужчина продолжал ругаться, но менее яростно. Почти дружелюбно попросил дать ему таблетку и стакан воды. Девушка выполнила просьбу. После этого она позвонила Елизавете Баюновой и назвала место нахождения её мужа. Взволнованная девушка обещала вскоре приехать.

Глава 4

После звонка Леры, Лиза поняла, насколько она беспомощна в экстремальной ситуации. Когда она утром отправила мужа в больницу, то была вынуждена выключить телефон, потому что было важное совещание, на котором её кандидатуру могли выдвинуть на повышение. Совещание затянулось, его итоги были неутешительны для Елизаветы. Вместо неё руководство поставило на должность главного менеджера отделения молодую девчонку Лену, которая более уверенно шла вперёд по карьерной лестнице.

Когда Лиза пришла в себя после совещания, она включила телефон. Ей пришло сообщение о нескольких пропущенных звонках от врача Натальи. Лиза перезвонила и узнала, что Виктор в больницу так и не приехал. После этого она попыталась узнать у службы такси, куда водитель увёз её мужа, но диспетчер так и не смог соединить её с тем человеком, который утром был за рулём неприметного «Рено Логан». Потом она звонила в полицию, где ей чётко дали понять, что в розыск человека объявят только по истечении трёх суток с момента исчезновения.

Лиза бросила работу и поехала в сторону больницы. Там она обошла все близлежащие улицы в поиске своего заблудившегося супруга.

Когда девушка вернулась домой, ей позвонила Лера. За полторы минуты она сумела подробно объяснить, где находится Баюнов, и что с его самочувствием не всё в порядке. Лиза быстро поблагодарила спасительницу, после чего положила трубку.

Виктор не погиб. Наверное, это хорошо.

Лиза позвонила своей единственной подруге с просьбой отвезти её к мужу. Но подруга отказала, сославшись на неотложные дела. Потом она стала вызывать такси, но никто не торопился брать заказ в такую глушь, несмотря на высокую цену.

Кого можно было попросить о помощи? Разве только того мерзкого типа, который не так давно начал за ней ухаживать. Вернее, попытался это сделать. Было в нём что-то скользкое, неприятное. Возможности ответить ему взаимностью были, не было желания. Елизавета никогда не понимала тех людей, которые могли питать тёплые чувства к таким противным существам, как ящерицы или змеи – было в этом мужчине что-то от них. Но его жесты, манеры, уверенность в себе не могли не нравиться.

Она не знала, какое отношение имеет Гоша к корпорации «Импера», но он часто появлялся в их офисе, где в дружеском тоне общался с директором, одним из основателей гигантской фирмы. Впрочем, и сам директор оказывал знаки внимания Лизе. Но, помимо неё, в офисе работало огромное количество симпатичных девушек, которые тоже получали

комплименты от начальника. А Гоша, кем бы он ни был, обратил внимание только на неё. Хоть изначально это произошло с корыстной целью.

Однажды, в самом начале весны, он пришёл к ним в офис по своим, неизвестным Лизе, делам. И, не снимая своих солнцезащитных очков, несмотря на отсутствие солнца на улице и тем более в помещении, уверенным шагом дошёл до стола Баюновой, и изящным жестом откуда-то извлёк одну ярко-красную розу с обрезанным почти до основания стеблем. Он бросил цветок ей на стол, прямо на документы, которые Лиза заполняла от руки.

– Привет, мне очень нужны документы по всем последним сделкам, которые остались у твоего мужа, – напрямую сказал он.

Гоша вёл себя так, будто у Лизы не было ни единого шанса отказать ему. Но она возразила:

– Но все документы остались у него на работе. Да и разве так можно, законно ли это...

– Ничего страшного. Если хочешь, то сегодня тебе позволит его бывший начальник и разрешит предоставить вообще всё. Он теперь податливый парень. Так что, не переживай. И я не верю, что твой муж не оставлял себе каких-нибудь дубликатов на флэшку, или диск. Это не профессионально. А он был весьма не плох в своих делах.

– Зачем вам это? – недоумевала Лиза.

– Разрешаю перейти на «ты». Меня зовут Гоша.

– Но я вас вижу в первый раз...

– Не в первый. Врать не хорошо. Я часто бываю здесь. И я запомнил тебя. Ты, думаю, тоже обратила на меня своё внимание.

– Хорошо, но не думаю, что это причина делать это...

– Это мы сделаем в другой раз, – сказал Гоша, сев на стул перед растерявшейся девушкой. – Просто сейчас ты можешь помочь фирме, в которой работаешь. Ну, и себе поможешь в финансовом плане. Если, конечно, тебе нужны деньги.

Стул он взял у отошедшего в туалет коллеги Баюновой, рабочее место которого находилось рядом с её столом.

Лиза была растеряна:

– Мне нужно посмотреть. Я не знаю, что именно вам нужно.

– Да я бы сам посмотрел. Может, пригласишь сегодня после работы к себе домой?

– Я не знаю, как на это отреагирует Виктор, – Лиза не понимала, почему так легко она может на всё соглашаться.

– Может быть, он меня узнает и это поспособствует его выздоровлению. Хуже не будет.

– Хорошо, только перед тем, как ты придёшь, я дам ему успокоительное.

– Договорились, я даже могу сказать «спасибо», – Гоша улыбнулся и вновь откуда-то извлёк искусно сделанный из двух стодолларовых купюр цветок, который также кинул ей на документы.

– Сегодня, да? – зачем-то переспросила Лиза, убирая в сторону деньги.

– Сегодня. Да. Ещё мы могли бы сходить куда-нибудь. Куда ты любила ходить в другой жизни? До того, как поставила на ней крест?

– Об этом я сейчас не могу говорить, – сказала Лиза.

Она заметила, как рядом, в нерешительности, мнётся её коллега, стул которого забрал себе Гоша. Но тот не обращал на него внимания. Он сказал лизе:

– Не стесняйся. Цветок это не просто симпатичное растение. Это жест привлекательной особе, признание. Имей в виду. Не люблю терять время, мы можем стать ближе значительно раньше.

– Думаю, это уже грубость, – Лиза не понимала, как нужно разговаривать с таким человеком.

– Ты права, – неспешно излагал свои мысли Гоша. – Откровенность это всегда грубость. Куда проще лестью ездить по ушам, используя множество ненужных метафор. А по поводу документов, то сегодня в семь вечера я буду у тебя дома.

– Хорошо.

Когда Гоша ушёл, к Лизе подошёл её коллега, который до этого держался в стороне, не привлекая к себе внимания.

– Ты знаешь, кто это? – спросил он у неё.

– Гоша, – ответила Лиза.

– Он бандит! Дружит с нашим директором! – широко раскрывая глаза, вещал коллега.

– Ну, что ж теперь, – потупила взгляд Лиза, пряча деньги и бутон розы под папку с документами.

– Будь с ним осторожна, вот что! – сказал коллега, возвращая стул на своё рабочее место.

Вечером Гоша пришёл в гости к Баюновым. У Виктора, которому Лиза дала двойную дозу успокоительного, Гоша спросил только о том, помнит ли он его. Витя, поедая фисташковое мороженное, отрицательно замотал головой, и пододвинулся поближе к телевизору. Тогда бандит немного порылся в бумагах Баюнова, что-то забрал себе и ушёл.

В следующий раз Лиза увидела Гошу на корпоративе, на котором она ненадолго задержалась, хотя не планировала его посещать. В приглушённом свете ресторана, Гоша подошёл вплотную к Лизе, которая решила позволить себе бокал вина. Он снова предложил ей куда-нибудь сходить, чтобы вспомнить о том, что такое жизнь, и зачем она вообще дана человеку.

– Я просто тебе не доверяю, извини, – сказала Лиза. – Ты говоришь, может быть, правильные вещи, но выглядят они плохо. Фальшиво. Ты даже солнцезащитные очки не можешь снять, разговаривая со мной в тёмном помещении.

Гоша в тот же момент снял свои очки и посмотрел на неё своими хищными, но уставшими глазами. В них не было ничего привлекательного. Всю картину портили многочисленные лопнувшие капилляры.

– Так фальши стало меньше?

– Да, наверное, – сказала Лиза. – Но я всё равно вынуждена отказаться.

Мерзкий образ Гоши стал ещё противнее. Волнуясь, она достала телефон, начала листать меню, чтобы показать свою занятость, не желая продолжать разговор. Она очень хотела, чтобы в этот момент ей кто-нибудь позвонил. Но ей уже давно никто не звонил, кроме подруги, которую её муж всегда звал «индейцем».

Гоша ещё несколько мгновений смотрел на неё своими покрасневшимися, слезящимися глазами, потом снова надел очки. Девушка продолжала листать электронное меню. Но мужчина ловким движением руки выхватил её мобильник и записал в телефонную книжку свой номер.

– На, имя запишешь сама. Какое захочешь. Звони, – сказал он, вручив ей телефон.

Мужчина тут же покинул её. Лиза не стала удалять номер. Оставила запись безымянной.

* * *

И вот пришло время, когда Лизе понадобилась помощь Гоши. Она не знала, как ей ехать к больному мужу на самый край области. Машины у неё никогда не было, а «Шкоду» мужа пришлось продать, когда у него появились проблемы

со здоровьем. Друзья Виктора забыли о нём сразу же. Да и не было их вовсе. Единственный друг, коллега по работе, Федя, погиб в какой-то дорожной разборке. Сестра мужа поначалу помогала, потом начала настаивать на том, чтобы сдать брата в специализированную лечебницу. Так Лиза осталась наедине со своей проблемой.

Она набрала номер Гоши:

– Это Лиза, мне нужна небольшая помощь...

– Какая Лиза? – не понял Гоша.

– Баюнова. Ты приходил забрать документы моего мужа.

– Точно, они нам никак не помогли. Ты дома?

– Да.

– Сейчас приеду.

Он приехал быстро на большом новом чёрном джипе. За рулём был молчаливый водитель. Сам Гоша сидел в расслабленной позе на заднем сидении и курил сигариллу. Как всегда в стильном костюме и чёрных солнцезащитных очках. По пути Лиза рассказала о том, что случилось, но Гоша был достаточно молчалив.

Они приехали в небольшую деревню, доехали до скромного домика, где их встретила молодая девушка, которой Лиза дала немного денег. Девушка, несмотря на то, что ей было очень неудобно это делать, деньги взяла. Дома был пожилой мужчина, который очень недоброжелательно посматривал на гостей, но ничего им не сказал.

Водитель Гоши помог Виктору забраться в автомобиль.

Супругу Лизы было плохо, он бредил, у него был жар. Мужчину отвезли в больницу, где его госпитализировали с подозрением на воспаление лёгких.

* * *

Почти месяц Виктор Баюнов пролежал в больнице. Имунитет у него оказался крайне слабым. Мужчина стал ещё менее общительным, на жену вовсе перестал обращать внимание, а на необоснованную агрессию у него не осталось сил. Он смотрел на планшете одни и те же мультики, да иногда перелистывал свой блокнот, почти не делая новых записей.

Тёплые дни ещё посещали город, а дожди не спешили разбавить повседневность тоской по навсегда ушедшему лету. Несмотря на смену сезона, Виктор пока не чувствовал ухудшения в своём самочувствии. И Лиза это понимала и тихо радовалась тому, что муж, хоть и не начал её узнавать, но перестал проявлять ненужную агрессию. Конечно, это могло быть заслугой новых препаратов, которые он начал принимать по рекомендации врача. Но его супруге хотелось верить, что это не так, что Виктор просто медленно начинает приходить в себя. Но никто никаких прогнозов не делал. Даже психиатр Наталья, что работала с Виктором, отметила его спокойствие. Но вместо агрессии пришла тоска. Ему

больше были не интересны занятия с ней. Может быть, после этого небольшого приключения, когда он не доехал на такси до больницы, а уехал в неизвестную ему деревню, где упал в холодную реку и был подобран сердобольной девчонкой, он изменился окончательно и бесповоротно? В лучшую, конечно же, сторону. По крайней мере, он больше не вспоминал про это чёртово фисташковое мороженое.

Лиза старалась больше уделять времени своему супругу, стала больше с ним общаться. Она интересовалась у него про его самочувствие, настроение, спрашивала о том, что он хотел бы на ужин. Иногда Виктор отвечал достаточно дружелюбно и развёрнуто, но нередко и игнорировал её вопросы. Были моменты, когда она повторно задавала вопрос, на который не дожидалась ответа. Тогда Виктор начинал злиться, сжимал кулаки, его губы дрожали, а брови хмурились. Но он держался. Шептал лишь иногда свою мантру про трёх котов. В такие моменты Лиза прекращала свой допрос, стараясь не делать лишних движений и не задавать дополнительных вопросов. И Виктор успокаивался сам. Это был большой прогресс.

В одно воскресное утро, когда у Лизы был выходной, и погода была максимально приятной для последних чисел сентября, девушка предложила мужу прогуляться по аллее. Тот согласился. Они долго собирались, наконец, оделись и пошли.

На аллее было много деревьев, примеряющих крас-

но-жёлтые цвета осени. Все лавочки были пусты – несмотря на хорошую погоду, не было ни мамаш с колясками, ни молодёжи, распивающей пиво. Люди будто покинули эту местность до весны.

Лиза даже улыбалась. Нет, у неё не было никаких особых воспоминаний, связанных с этой местностью или этим временем года. Просто ей стало немного легче, чем обычно. Жизнь наполнилась простыми радостями, которые когда-то казались обыденностью. Когда жизнь перестала быть невыносимой. Ещё ей было просто приятно чувствовать рядом крепкое плечо любимого мужчины. Пусть даже теперь это другой человек.

– Тебе нравится такая погода? – осторожно спросила Лиза.

– Да, нравится, – равнодушно ответил Виктор.

– Мне тоже очень нравится. Как-то спокойно, да?

– Да, спокойно.

– Тебе чего-нибудь хочется сейчас?

– Хочется, чтобы тупость из головы пропала.

– Что ты называешь тупостью? – Лиза чувствовала, что надо быть осторожной с такими вопросами.

– Голова не соображает совсем. Хочется о чём-то думать, но мысль не получает развития. Тормозится. Будто это и не нужно вовсе. Будто тормозит сознание. А думать хочется, хочется сложных мыслей. Но получается так, будто мысль не получает своего развития. Она затормаживается. Перед

ней барьер. А подумать о чём-нибудь хочется. А выходит так, будто и не думал совсем. Будто тормоз...

Лизе захотелось расплакаться. Её муж всегда был очень умным человеком. Даже после комы, если он не находился во власти своей ярости, то вполне мог выражаться сложными предложениями, излагая интересные мысли. Но, то ли развитие болезни, то ли новые препараты, сделали из него настоящего дурака. Нет большего проклятья, чем быть дураком. В любом смысле этого грубого, неотёсанного, не обременённого научными определениями ругательства. И ещё отягчающим моментом в этой ситуации было то, что Виктор, похоже, понимал, что он становится дураком и этот процесс ещё не завершён.

Нужно было сменить тему. У Лизы было ещё несколько вопросов, которые интересовали её значительно больше.

– Ты в своём блокноте написал, что тебе нравится Лера, потому что она тебя не раздражает. А я тебя раздражаю? – осознанно задала сложный вопрос Лиза.

Виктор остановился. Но вскоре продолжил неспешно передвигать ноги по асфальту, усыпанному жёлтыми листьями.

Его ответ был краток:

– Да.

– Извини за вопрос. А Лера почему тебя не раздражает?

– Не знаю, – безэмоционально отреагировал на этот вопрос Витя.

– Просто в своём блокноте ты много раз обвёл эту фразу...

– Какой к чёрту блокнот?! – закричал Виктор. Давно у него не было такой вспышки гнева. Он даже почувствовал серьёзный прилив сил. – Нет у меня никакого блокнота, баба ты стеклянная!

Птицы, сонно сидящие на деревьях, взмыли вверх. Неизвестно откуда взялись две пенсионерки, поддерживающие друг друга за руку, неспешно ступая позади супругов. Впереди показался парень с бутылкой пива. Рядом с ним бежала небольшая собачка, которая тоже обратила внимание на крик Виктора.

Весь мир уставился на симпатичную, со стороны, парочку молодых людей.

– Прости меня за вопрос. Я люблю тебя. Пошли домой, – сказала Лиза, пожалевшая о том, что попыталась узнать ответы на вопросы, которые сейчас не имеют никакого значения для её мужа, потому что он элементарно уже забыл и про Леру, и про блокнот.

– Не хочу я домой! Я хочу гулять! Я хочу гулять и думать!

– Прошу тебя, не кричи! – взмолила Лиза.

– Я не хочу кричать, чучело ты печальное! – Виктор схватился за голову и сел прямо на дорогу. – Я хочу много думать! Много думать о хорошем! И гулять хочу! Чтобы думать!

У Виктора случилась настоящая истерика, он сидел на грязном асфальте, выкрикивал ругательства, и тормозил свои волосы, которые аккуратно причесал перед прогулкой.

– Прости меня, Витя! – встала рядом с ним на колени супруга.

– Пошла ты в собачью задницу, кукуруза!

– Как скажешь, дорогой! – без тени улыбки ответила Лиза. Она просто растерялась, не зная, как успокоить мужа в людном месте.

– Ведьма полуживая! Лицо твоё рожа!

Но не прошло и минуты, как Виктор резко успокоился и без помощи Лизы. Выкрикивая очередные затейливые обзывательства, мужчина резко упал на спину и замолчал, вглядываясь в серое небо. Ему стало страшно, небо было слишком огромным. Резко расхотелось умирать.

Потом он аккуратно поднялся на ноги, и пошёл дальше по аллее. Его жена тоже встала с колен, и пошла вслед за мужем. Ей очень хотелось отряхнуть сзади его куртку и штаны, но она больше не решалась прикоснуться к нему.

Они пришли домой. Лиза первая сняла с себя пальто и разулась, потом стала помогать мужу избавиться от верхней одежды. Взгляд мужчины говорил о том, что в мыслях он был очень далеко отсюда. Может быть, сейчас мысли перестали тормозить и развивались витиеватыми фразами в нужном направлении?

Девушка увидела на журнальном столике блокнот Виктора. Нужно будет аккуратно ему его подсунуть. Может он напишет ещё что-нибудь интересное в своём истрепавшемся ежедневнике.

– Я хочу мороженого. Зелёного, фисташкового, – сказал Виктор, и развернулся к входной двери, не дав снять с себя куртку.

– Я схожу с тобой, – поспешила снять с вешалки своё пальто Лиза.

– Я сломаю тебе нос, – тихо сказал мужчина без злобы в голосе.

– Возьми ключи и деньги, – сказала Лиза, остудив свой порыв проводить Виктора до магазина.

Раньше он сам не редко ходил в супермаркет, что находился на первом этаже их дома, где покупал себе мороженое. Что-то другое купить он был не в состоянии.

Виктор открыл входную дверь, что была не заперта, и выхватил у девушки ключи, чуть не выронив пару сотен, что Лиза также протянула ему своей ослабшей рукой – ей нужно было успокоиться, а ему нужно было мороженое. Он вновь вспомнил про эту гадость.

Она спросила:

– Помнишь, где магазин и как открывать дверь в подъезд?

– Я что, дурак?

– Нет. Прости. Я люблю тебя. Не запирай, пожалуйста, дверь в квартиру.

Виктор ушёл, заперев на два оборота дверь. Лиза устало села на табуретку на кухне. А день ведь так хорошо начинался!

Второй её мыслью было то, что следовало бы догнать Вик-

тора, вдруг он отвык за это время от походов в магазин. Раньше она тоже нередко контролировала этот процесс, выходя из дома вслед за ним. Но он всегда всё делал правильно. Будто покупка мороженого была его стандартной программой. Единственным действием, что он выполнял безукоризненно.

Потом Лиза поняла, что отдала ему свои ключи. Свою связку ключей Виктор зачем-то сам взял с собой на прогулку, увидев их в сумке у Лизы. Где лежал третий дубликат ключей, девушка просто напросто забыла. Она махнула рукой на всё, и, закрыв глаза, начала делать дыхательную гимнастику.

– Да пошёл ты к чёрту. Дурак, – тихо сказала она.

Виктор медленно вышел из подъезда, огляделся вокруг. Сделал несколько шагов до магазина, начал открывать тугую дверь.

Его окрикнул гнусавый голос:

– Витя!

Баюнов обернулся. К нему подбежал худой мужчина в кожаной куртке, спортивных штанах и дурацкой кепке.

– Чё тебе надо? – Виктор начал злиться.

– Не узнал меня, это я, Вован! – сказал мужчина, который был немного старше Баюнова, но выглядел заметно хуже. От него неприятно пахло сигаретами.

– Я тебя не знаю.

– Знаешь, просто забыл! Надо клад бы найти, без тебя никак!

– Клад... – многозначительно повторил Виктор.

– Он самый! Без тебя никак, брат! Поехали, будет ништяк! – Вован уже вёл под руку Виктора к своему автомобилю, озираясь по сторонам.

– Клад очень нужен, – спокойно сказал Виктор, садясь в автомобиль к Вовану.

– Да, очень нужная вещь, в хозяйстве пригодится! – Вова завёл двигатель, и они поехали.

Некоторое время они молчали. Вован не совсем хорошо продумал свою операцию, поэтому пытался наверстать упущенное. Он уже не верил, что тот, за кем он так долго следил, после больницы вновь сможет в одиночестве выйти из дома. Но слежку Вован осуществлял уже втайне от своих корешей, которые всё никак не хотели брать его на серьёзные дела, и не торопились возвращать ему боевой пистолет.

Вован даже сам перестал считать себя серьёзным человеком. Доход меньше, вместо боевого «шпалера» бестолковый травмат. А его чёрный «Мерс» солидно выглядел лишь в девятых. Но зато он знал одну тайну, которая могла его обогатить. И теперь он не считал нужным делиться с остальными. А знал он, что тех денег, что Виктор тогда выкопал из ямы, должно было быть значительно больше. Значит, где-то была припрятана и другая сумма. Он пытался копать глубже, немного поодаль или ближе к дереву, но ничего не нашёл. Нужна была помощь Витька. Ведь его кореш Федя успел шепнуть на ушко Вовану о той сумме, которую они с Баю-

новым заныкали. После этого Вовчик случайно замочил Федю, не успев узнать у него, где спрятаны деньги. Но о точной сумме он никому не рассказал. Немногим позже пришлось поговорить с Виктором, но аккуратного разговора также не получилось. Они, вместе с лысым и драконом, отправили Баюнова в кому, но никакой информации от него не добились. А крайним тогда сделали Вована.

– А куда мы едем? – спросил Виктор, когда они покинули пределы города.

– Мы едем в деревню Светильново! Знаешь такую?

– Знаю.

– Очень хорошо! Просто замечательно...

– А зачем мы туда едем?

– Как зачем? А клад?

– Клад? Клад мне нужен.

– Мне тоже нужен клад! Поделим?

– Я возьму столько, сколько посчитаю нужным, – сказал

Виктор.

– Договорились, братан!

– У тебя есть лопата?

– Конечно, не вопрос!

Такой же приблизительно диалог у них случился ещё несколько раз, прежде чем они доехали до деревни. Уже стемнело.

– Братан, а куда дальше? – спросил Вован.

– Езжай вперёд.

– В самую деревню?

– Да.

Вован медленно поехал по узкой деревенской улице, утопающей в красно-жёлтой листве. Далеко не во всех окнах горел свет. Было очень тихо, лишь где-то вдалеке лаяли собаки. Вован уже начал сильно сомневаться в том, что его затея имела какой-либо смысл. Ему хотелось курить, но сейчас надо быть внимательным к деталям. Вова начал нервничать, начал думать о плохом.

Но некоторый позитив вернулся в его жизнь, когда Виктор попросил остановить машину у одного неприметного домика, в котором не горел свет.

Баюнов выскочил из машины, огляделся по сторонам, и пошёл уверенным шагом к деревянному забору, где отворил калитку и вошёл в чужой огород. Вован только успел заглушить двигатель, после чего поспешил за Виктором, неосмотрительно оставив ключи в замке зажигания.

Повсюду была всё та же тишина. Вован хотел бы выйти на пенсию и прикупить такой же небольшой и уютный домик на краю земли. Не у моря, конечно же, но и у бескрайнего поля и дремучего леса тоже вполне себе не плохо. Но до пенсии было недостаточно средств на счету, да и по возрасту не положено.

Виктор стоял у порога дома и молчал, опустив голову. Он вдруг понял, что он здесь зря. Он даже до конца не смог осмыслить, что связывает его с этим местом. Но... что бы то

ни было, это было зря.

Вдруг раздалась злая музыка. Виктор сразу же понял, что такое злая музыка...

* * *

Елизавета Баюнова перерыла весь дом, чтобы найти третий комплект ключей. Через час ей это удалось: домовой всё-таки поиграл и отдал. После этого Лиза разузнала, что её муж так и не дошёл до магазина, и камеры видеонаблюдения около дома как нарочно сегодня не работали.

Как бы ей не хотелось заниматься поисками мужа, она понимала, что должна его искать. Просто должна, и всё тут. Гоше звонить не хотелось, но кроме него никто не мог помочь в этой ситуации.

Лиза бродила вокруг дома, сжимая в руках мобильный телефон, ожидая звонка от какой-нибудь Леры. Потом она вернулась домой и всё-таки позвонила Гоше. Мужчина потерял к ней какой-либо интерес после того, как помог отвезти Виктора в больницу. И в офисе Лиза его больше не замечала. Может быть, он просто был занят своими бандитскими делами? Или нашёл себе девушку?

– Гоша, прости, что беспокою, мне очень сильно нужна твоя помощь.

На этот раз он узнал её. После некоторой паузы Гоша спросил:

– Ты дома?

– Да.

Он приехал через полчаса. Зашёл в незапертую квартиру. Лиза встретила его в прихожей. Бандит как всегда выглядел стильно – лёгкое полупальто, кожаные перчатки, сделанные на заказ. Стильные брюки, идеально начищенные ботинки. Терпкий парфюм вперемешку с ароматным запахом табака. Ещё от него пахло чем-то сладким. И, конечно, на нём были солнечные очки.

А за окном уже стемнело.

– Мы должны торопиться! Виктор ушёл из дома на пять минут и не вернулся! Его надо найти! – Лиза была готова отправиться в путь.

– Если я скажу «детка», это будет очень вульгарно?

– Это будет не важно, если ты поможешь!

– Ты сильно хочешь его найти?

– Да!

– Если бы ты сильно хотела его найти, ты бы не допустила того, чтобы он потерялся.

Лиза не знала что ответить. Она действительно легко бы могла это предотвратить. А ещё Виктор мог бы и сам найти третий комплект ключей и уйти из дома, пока жена на работе.

– Ты, наверное, просто хотела меня увидеть? – спросил

Гоша.

– Нет.

– Детка, за всё же нужно платить, ты же знаешь это. Что ты мне предложишь? Деньги?

– Деньги... – потупила взор Лиза, когда Гоша подошёл к ней вплотную.

– Как ты думаешь, какая сумма меня может заинтересовать?

– Не знаю.

– У тебя её нет. Но могла бы быть. Твой муж. Точнее, руководство его конторы, провернули хорошую операцию. Много людей лишились своих денег. Но эти деньги так и не дошли до тех, кто это дело замутил. Вся схема сломалась на двух товарищах: на Феде и Вите. Но они не разбогатели. Один даже умер. Но кто-то же эти деньги приобрёл? Где-то убывает, где-то прибывает, так?

– Мы поедем?

– Мы помчимся! – Гоша снял свои очки. Его глаза снова выглядели уставшими. – И кто же так хорошо нажился? Но, похоже, это всё-таки была не династия Баюновых. К сожалению, это был кто-то другой. Ну, либо твой муж просто забыл, куда он эти денежки положил. Может быть, сегодня он об этом вспомнил? Тогда мы его точно не найдём.

– Я не понимаю о чём ты.

– Я знаю, что не понимаешь. Я сам мало что понимаю в этой ситуации. Но дело могло оказаться интересным.

– Ты сказал, что мы поедem, – сказала Лиза, она уже жалела обо всём на свете.

– Я сказал, что мы помчимся, но не уточнил куда. А остановились мы на том, что нужной суммы у тебя нет. Зато есть что-то другое.

– О чём ты?

– Ты что, дура? Ты серьёзно не понимаешь, что в твоём случае остаётся только одна валюта?

Он обнял её за талию.

– Ты точно поможешь?

– Ещё как! У меня это хорошо получается, никто не жаловался, – сказал Гоша, освобождая Лизу от одежды, и девушка помогла ему скорее сделать это.

* * *

Страшные мгновения прошлого всплыли в памяти Виктора, когда он услышал злую музыку. Грубый по смыслу и исполнению реп, набор слов про пацанов, улицу и криминал. Когда-то давно Баюнов высказался про подобное творчество, что его смысл в том, что человек пытается размышлять о жизни, а самому лет пятнадцать от роду. И злость этой музыки была не в агрессии поднятых в тексте тем, а в заблуждениях, в которые свято верил автор. Глупость самое

худшее зло.

Злая песня стояла на звонке телефона Вована. Мужчина поспешил принять вызов от главаря их некогда дружной банды:

– Алё, ты не вовремя! Я с тёлкой, ты весь кайф обламываешь! Я перезвоню тебе! Не, не через две минуты, понимать должен! Давай, ага!

Вован выдохнул, выключил телефон и положил его в карман, на несколько мгновений потеряв из вида человека, за которым он так долго следил.

А у Виктора в голове продолжала играть та злая песня, после которой он впал в кому и потерял память. Не из-за песни, конечно, впал он в эту самую кому. Били его тогда сильно, и у кого-то из нападавших в телефоне заиграл этот бред...

Ненависть застигла Баюнова врасплох. Он не стал думать о том, что он хочет сделать. Он быстро сделал и забыл о том, что сделал.

Он ударил по голове Вована красным кирпичом, который лежал у забора, рядом с навозной кучей. Этот кирпич, возможно, лежал здесь много лет, исполняя в пьесе роль ружья, висящего на стене. Кирпич удачно опустился на уродливую кепку и на не более привлекательную голову Вована. Мужчина упал на кучу навоза и скатился вниз, в яму, выкопанную под новые отходы.

Виктор вернулся к двери и уверенно постучал в неё. От-

крыли не сразу.

Глава 5

После того, как в конце августа Виктор в невменяемом состоянии покинул дом Леры и её отца, на следующий же день к девушке вновь приехал знакомый семейства Баюновых, которого звали Гоша. Но на этот раз он был без супруги несчастного мужчины, который страдал провалами в памяти.

Гоша был одет очень опрятно, в дорогой костюм тёмных тонов. Его образ дополняли удачно подобранные солнцезащитные очки, с которыми он не расставался даже в тёмном помещении. Из-за них нельзя было оценить красоту лица. Наверное, оно было обычным и ничего интересного в нём не было. Совершенно не примечательные черты лица, лёгкая небритость. Его телосложение было худым, рост невысоким, но голос имел силу. Тембр был приятен, несмотря на то, что если бы он вдруг перешёл на крик, то скорее всего, всё очарование голоса пропало бы из-за его писклявости. А так вполне хорошая, чёткая речь. Но улыбка его была неприятной. Он будто заставлял себя улыбаться, зная, что его ухмылка очень похожа на оскал гиены.

Поначалу казалось, что он просто хочет познакомиться с Лерой. Даже подарил бутон розы. Но потом девушка поняла, что мужчине нужна какую-то информация. Но девушка

не рассказала ничего лишнего. У неё получалось выглядеть бескорыстной и сердобольной. Когда-то Лера даже думала, что она таковой и является.

Гоша резко сменил тему, будто поняв, что Лера ничего не знает про приключения Виктора. Он начал интересоваться её жизнью, но не таким образом, когда если и хочется отвечать, то только односложными ответами. Нет, он задавал вопросы так, что хотелось рассказывать о себе всё больше и больше. Он не спрашивал о том, какие у неё планы на жизнь, он хотел узнать, как именно она собирается эти планы осуществлять. И в процессе разговора подавал интересные идеи. Проще говоря, он её заболтал. Потом снова резко сменил тему:

– А что ты будешь делать с деньгами? Они существенно помогут тебе добиться всего этого.

– С какими деньгами? – не поняла Лера.

– Если ты так отрицаешь их наличие, то у тебя может их никогда и не быть.

– Но я говорила о другом, о нематериальности вопроса достижения моих желаний.

– Ты будто до сих пор веришь, что сила в чём-то нематериальном, – усмехнулся Гоша.

– Я понимаю, что это наивно, но я думаю, что всё, как говорится, в наших руках. Скоро придёт отец, он ушёл в медпункт, врач только раз в неделю приезжает. Давайте лучше выйдем на улицу.

Гоша медленно проследовал вместе с девушкой к высокому деревянному забору, который уже имел тенденцию к изменению вертикального положения на горизонтальное.

Мужчина начал излагать новую мысль:

– Нет удачи. Есть только случай и кропотливый труд. Ещё очень помогают деньги. Деньги есть не у всех, в этом отличие третьего фактора от первых двух. Твои идеи заняться наукой очень похвальны. Но глупы. Твой энтузиазм без решительных действий ни к чему не приведёт. Начальный капитал здесь важнее. Поэтому подумай, чем ты его сможешь заработать: своим молодым телом или мозгами. Первое пока выигрывает в твоём случае.

– Зачем же вы так, – Лера смутилось, собеседник стал ей резко противен.

Ей ещё больше захотелось заниматься наукой. Больше работать с различными материалами, чем с людьми.

Гоша подытожил:

– Ты же понимаешь, что я говорю правду.

– Я просто не умею отвечать на грубости и пошлости...

– Тем более такой красивой пошлости тебе никто не говорил.

– Мне везло до этого момента.

– Возьми, – Гоша протянул ей клочок бумаги от упаковки своих дорогих сигарет.

За время разговора он успел что-то на нём написать своей красивой перьевой ручкой.

– Что это?

– Догадаешься? Одиннадцать цифр. Пароль, шифр, генетический код, ключ от кое-какой боеголовки?

Тут молодых людей заметил отец Леры. В тот день он чувствовал себя немного лучше, поэтому успел подкрасться незаметно.

– Ты кто такой ещё? А ну-ка пошёл к чёртовой матери отсюда! Повадились каждый день ходить! Петухи! – закричал пожилой мужчина, пытаясь даже делать вид, что замахивается на Гошу.

– Дед, ты дурак. Как до такого возраста вообще дожил, – отвернулся Гоша, самостоятельно направляясь к ожидающему его автомобилю.

– Иди, иди! – чуть сник в своей агрессии отец Леры, вновь почувствовав боль в спине.

– Звони, Валерия, – неприятно улыбнувшись, сказал Гоша, садясь в роскошный джип.

Но Лера не позвонила.

Хоть иногда и вспоминала о нём, о Викторе и о том бандите – хотя хотелось их всех забыть. Была ещё и злость за всё происходящее с ней.

* * *

В тот вечер, когда Виктор стоял у двери её дома, Лера решила лечь спать пораньше. Утром надо было ехать в город, в больницу к отцу. Больная спина всё-таки уложила его на больничную койку. Но, оно и к лучшему. Без него дома не было той напряжённой атмосферы упрёка и вечного недовольства.

Она быстро уснула. Разбудил её стук в дверь. Девушка быстро надела спортивные штаны и олимпийку – дома и на улице было прохладно.

– Кто?

– Виктор.

Лера отворила дверь. Хотя, стоило сначала позвонить его супруге. Об этом она догадалась позже.

– Зачем ты приехал?

– Пошли копать клад? – Виктор всерьёз сказал то, что в первую очередь пришло в его голову.

Он смутился, девушка ему очень понравилась, но он не помнил, откуда её знает. Может, это его жена?

Повисла неловкая пауза, но Баюнов не обратил на это внимания. Он развернулся и пошёл к калитке. Девушка, взяв фонарь, после чего обув на ноги кроссовки и накинув на плечи отцовскую телогрейку, поспешила за ним следом.

– Ты потерялся? Может, позвонить твоей жене? – забеспокоилась Лера.

– Может, просто найдёшь лопату? – не грубо, но твёрдо сказал Виктор.

– Она в сарае. У неё отваливается черенок, иногда...

– Бери, сойдёт.

Виктор подошёл к калитке. Рядом, сливаясь с навозной кучей, без сознания лежал Вован.

– Мы пойдём туда же, в поле, к старому дубу? – спросила Лера.

– Да.

– Тогда выйдем через огород, там ближе. Это опасно? За тобой опять могли следить?

Лера понимала, что второй раз ей вряд ли также повезёт, но ей очень нужны были деньги, а Виктор вроде был не против поделиться. Её отцу требовалась дорогая операция, и все его накопления уйдут на неё, а Лера, после провала на вступительных экзаменах в универ, всё никак не могла найти себе работу.

– Извини, я не помню, как тебя зовут, – сказал Виктор.

– Лера.

– Да. Наверное, это может быть опасно. Но я почему-то хочу позвать тебя с собой...

Девушка вытащила из сарая старую лопату и отдала её мужчине. После этого она повела Виктора огородом, более короткой дорогой к полю.

По пути она озвучила вопросы, которые накопились у неё в голове:

– Но мы тогда уже выкопали клад. Там лежит ещё один, или ты просто забыл об этом? Что стало с теми деньгами?

Их забрал тот мужчина?

– Слишком много вопросов. Я не знаю на них ответов. Надо сначала добраться до места. А там что-нибудь придумаем...

Они вышли на большую дорогу, ведущую к лесу. Несмотря на темноту, Виктор очень хорошо ориентировался.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Лера.

– Хорошо. Только немного прохладно. Скоро лето?

– Ты спрашиваешь, скоро ли лето?

– Да.

Девушка вздохнула. Зачем она вновь решилась на эту авантюру? Неужели только деньги, которых там может и не быть?

– Лето закончилось. Скоро начнётся октябрь, – сказала она.

– Октябрь? Интересно, сколько лет своей жизни я потерял, – с тоской сказал Виктор.

– Давно ты... стал таким?

– Думаешь, я помню? Но мне порой кажется, что я просто притворяюсь, что это не настоящее моё состояние. Что я играю какую-то роль. Но потом я пытаюсь вспомнить, зачем мне всё это. И не могу ничего вспомнить.

– Ты помнишь, кто я?

– Нет. Маша Петрова?

– Кто такая Маша Петрова?

– Я не помню кто это. Но отчего-то уверен, что у меня

есть жена. Это не ты?

– Не я.

– Жаль, – сказал Виктор, и вроде бы даже улыбнулся. – Ты замужем?

– Нет, – смутилась Лера. – Про клад ты помнишь что-то определённое или это у тебя в подсознании?

– Второе. Это будто моя единственная миссия, которую я должен выполнить и уйти.

– Куда уйти?

– Не знаю. Уйти куда-нибудь, или умереть. Это не так уж важно.

– Как это не важно?

– Думаешь, это жизнь?

– Я сочувствую тебе, но может быть существует какое-то лечение?

– Все безнадежно больные люди верят в какое-то лечение. Этим и живут. Для меня это совершенно неважно. Не потому что я ничего не помню. Нет. Забыл почему.

– Всем что-то нужно от жизни. Жизнь ради жизни, на инстинктах, тоже неплохо. И, мне кажется, ты нуждаешься в религии или психологической помощи...

– Здесь лучше думается. Мне кажется, что я днём тоже видел небо. Но оно пугало. А здесь даёт больше простора для мыслей. Мысли идут вперёд, это хорошо...

Виктор начал наслаждаться тем, что его окружает: бескрайнее чёрное небо, высохшая трава, быстрая речка, что

шумела где-то совсем рядом.

Лера постоянно оглядывалась по сторонам, прислушивалась, ждала засады, какого-нибудь подвоха. Но вокруг ничего не было. Только свет её фонарика пробивал темноту на несколько метров вперёд.

– Ты помнишь, зачем тебе деньги?

– Какие деньги? – не понял Виктор.

– Ну, клад.

– Клад очень нужен. Я не помню зачем.

– Ты тогда говорил, что тебе нужны деньги, чтобы заплатить за квартиру, иначе жена разведётся с тобой.

– Это я такое сказал? Я это ещё помнил? – удивился Виктор.

– У тебя был с собой блокнот и в него ты записывал всё, что касается твоей жизни. Даже просил меня что-то в нём написать...

– Блокнот. Очень хорошая идея, – сказал Виктор и пошарил по своим карманам. В них лежало два комплекта ключей и двести рублей двумя купюрами. Никакого блокнота у него с собой не было.

– Сейчас у тебя его с собой нет? Мы могли бы многое узнать.

– Я забыл что-то спросить.

– Вспоминай. Про что: блокнот, клад, твои записи, моя запись...

– Вспомнил! Что ты написала в моём блокноте?

Лера даже улыбнулась. Почему-то ей стало приятно, что он вспомнил не про подробности о кладе, а про эту дурацкую запись. Она сказала:

– Я написала фразу: «Виктору от Леры на долгую память».

– Смешно. С подковыркой фраза.

– Извини, я не знала что написать. Это было без задней мысли...

– Что ты ещё знаешь о моей жизни?

– Ты когда-то работал менеджером. У тебя есть жена, которая с тобой хочет развестись. Она симпатичная.

– Ты её видела?

– Да, она приезжала за тобой, когда ты упал в реку. Я не знаю, как у тебя это получилось. Может быть, ты убежал от тех бандитов. Или они тебя туда скинули.

– Мне кажется это не очень хорошие воспоминания. Мне даже немного страшно. Всё хуже, чем я думаю. Но я хочу, чтобы ты знала, что я никого никогда не бросаю.

– Звучит благородно, – сказала Лера.

Её посещала уверенность, что вокруг, на пару километров точно, никого не было.

Они сошли с просёлочной дороги в поле. Высокая сухая трава с мягким шелестом ложилась под тяжестью их ног. Под мраком позднего времени величаво возвышался дуб, огромная ветвь которого указывала путь к возможному обогащению. А, может быть, и к предстоящим бедам. Там, где когда-то Виктор вырыл неглубокую яму, была уже большая

траншея.

– Тут уже кто-то был, – сказала Лера.

– Мы?

– И мы в том числе. Возвращаемся обратно?

– Нет. Как ты думаешь, какие числа самые счастливые?

Три или семь?

– Семь уже было. Пусть будет три.

Виктор сделал три небольших шага от ствола под самой массивной веткой дерева. Начал копать. Лера оглядывалась по сторонам. Она опасалась: странно, что те, кто копал тут раньше, не стали рыться почти под самым деревом.

Баюнов копал без усталости, будто занимался этим всю жизнь, и вскоре он вытащил из глубокой ямы большую чёрную сумку. В ней в крепком прозрачном целлофановом пакете лежали пачки пятидесяти тысяч купюр.

– Как ты думаешь, сколько здесь? – спросил Виктор.

– Думаю, тебе лучше знать.

– А мне сколько нужно?

– Не знаю. Пошли скорее отсюда, а то становится как-то не по себе.

– Пошли.

До дома Леры они дошли, ведя непринуждённую беседу. Никто им не попался на пути. Деревня спала.

– Ты на машине приехал? – спросила Лера. – Я заметила незнакомый автомобиль недалеко от своего дома.

– Не знаю даже. Наверное. У меня определённо был авто-

мобиль, я умею водить.

– Значит, у тебя всё не так уж плохо.

Они дошли до калитки, за которой стоял старый чёрный «Мерс».

Виктор бросил раскрытую сумку к ногам Леры и сказал:

– Возьми столько, сколько тебе нужно. Думаю, мне в любом случае хватит.

Девушка бросилась к деньгам, стала вытаскивать пачки и засовывать их за пазуху телогрейки. Она не знала, какой может быть точная сумма в одной упаковке рыжих бумажек, скрепленных обычной канцелярской резинкой. Лера не считала, сколько пачек она забрала, но основная сумма всё равно осталась у Виктора. Поддерживая рукой тяжесть за пазухой, Лера, сказав робкое «спасибо большое», направилась к дому. Страх не прошёл, наоборот, стало тревожнее. Зачем он отдал ей эти деньги, зачем она ему понадобилась сегодня, только ли в лопате дело?

– Можно тебя поцеловать? – попросил Виктор, подняв с земли сумку.

Ах, да, вот оно что. Лере ещё сильнее стало не по себе. Но её щёки залил румянец. Странное ощущение тревоги и... возбуждения?

Она остановилась, но не повернулась в его сторону, сказав:

– Может быть, не нужно. Я могу вернуть деньги!

– Я настолько уродлив, что такая сумма ничто по сравне-

нию с моим поцелуем?

– Нет, что ты, дело не в этом! – Лера растерялась.

– Ты не думай, я без пошлостей. Просто поцелуй в щёку.

Ничего больше.

– Ты думаешь, это тебе сейчас нужно?

– Ты, конечно же, думаешь, что мне это не нужно!

– У тебя жена...

– Думаешь, на кой чёрт мне это, если я об этом сразу же забуду? Так ты думаешь?

– Ты женат, тебе нужны деньги лишь для того, чтобы твоя супруга не развелась с тобой.

– Знаешь, я очень хочу тебя как-нибудь обозвать. Как-нибудь оскорбить. Но понимаю, что ты чужой мне человек. Поэтому этого не сделаю. Это как-то на подсознании. А жёну, наверное, я бы обозвал по-всякому, хотя даже не помню её имени. Не знаю даже, как она выглядит. Это не грустно. Это неправильно, но и как-то логически обоснованно. Просто забыл, как это лучше объяснить. Мысли опять тормозятся. Останавливаются слова на взлёте, не могу до конца рассказать о том, о чём думаю. И не только потому, что забываю. Просто у мысли нет стимула. Они тормозят. Им не хватает высоты или разгона... но я просто хочу тебя запомнить...

Она повернулась к нему. Сказала:

– Поцелуй меня. Как ты сказал. Без пошлостей.

– Я так сказал?

– Да, ты хотел меня поцеловать.

– Ты отказала?

– Сейчас нет.

– Чем же это, интересно, я заставил сменить твоё решение?

– Это не важно, но если твоё желание пропало, то лучше этого не делать...

Лера была не в меньшей растерянности, чем он.

– Надеюсь, – тоже выказал неуверенность Виктор, растягивая слова, – мне с тобой интересно не только потому, что ты новый для меня человек.

– В следующий раз тебе лучше отправиться на поиски сокровищ со своей женой. Извини, конечно.

– Но я не хочу. Каких сокровищ, кстати?

– Клад.

– У меня он в сумке.

– Ты помнишь об этом? – осмелилась Лера на колкость. – Я думала, у тебя память, как у рыбки, извини.

– Да, – согласился Виктор, не без злости, но сдерживаясь от оскорблений.

– Что именно «да»? – продолжила дерзить Лера.

– Память моя хуже, чем у тебя... что я должен делать дальше?

Лера выдохнула облако пара под свет тусклого фонаря, стоящего около дома, и сказала:

– У тебя клад в сумке, это поможет не развестись с женой. А твоя машина у забора стоит.

– Моя машина? – спросил Виктор.

– Да. Ты сюда не на электричке же приехал. Сегодня не было поезда...

– На машине я сюда приехал, значит?

– Да. Желаю тебе счастья и здоровья. Ну, пока?

– Пока, – сказал Виктор, отворив калитку.

На широкой улице стоял один единственный автомобиль. Соседние дома чернели спящими или вовсе пустыми окнами. Вдалеке лаяли собаки. Было прохладно: толи весна решила притормозить свой ход этим поздним вечером (ночью, ранним утром?), толи осень изо всех сил пыталась сдержать зиму.

А Лера ушла домой, заперла дверь, выдохнула. Она решила не включать свет, лишь аккуратно зажгла свечу и принялась считать деньги. Это было самое странное событие в её жизни. Впрочем, оно принесло свои плоды. А если бы Виктор был здоров и не был бы женат, то кто знает, как бы закончилась эта история! Но и так всё было не плохо: Лера никогда не держала столько денег в своих руках.

А Виктор сел в автомобиль, удивившись тому, на каком «ведре» ему приходится ездить. Ключи были в замке зажигания. Мужчина завёл двигатель и поехал. Нужно было ехать. Но куда?

Вован очнулся от шума проезжающего за забором автомобиля. Голова болела, но это явно было не похмелье...

Баюнов нашёл выезд на трассу. Прямая дорога начала

успокаивать, хотя он совершенно не знал, куда ему нужно было ехать. Он просто ехал вперёд, не следя за тем, как нарастает скорость автомобиля на ровной и пустой трассе. Впереди показались огни, Виктор переключил дальний свет на ближний. Но огни не двигались, они стали ближе. Гаишник махнул жезлом. Виктор остановился.

Представитель службы безопасности дорожного движения медленно подошёл к открытому окну автомобиля. Виктор, по какой-то давно отработанной привычке, достал документы из солнцезащитного козырька, передал их гаишнику. Тот что-то пробормотал про превышение скорости, потом надолго замолчал, изучая протянутые документы. Там явно было что-то не так.

Виктор начал нервничать, приговаривая про себя поговорку про трёх котов и их хвосты. Потом его взор пал на сумку, что лежала на пассажирском сиденье. Оттуда виднелись пятитысячные купюры, и их было много.

– Это же не твои документы. Выйди-ка из машины, – сказал гаишник.

– Да пошёл ты! – ответил Баюнов, резко приведя автомобиль в движение.

«Мерс» круто развернулся и успел набрать хорошую скорость, прежде чем «Лада» стражей дорожного порядка отправилась в погоню. Через некоторое время Баюнов свернул с трассы на грунтовую дорогу. Он вдруг вспомнил о чём-то важном, будто что-то где-то не успел. Нужно было торопиться.

ся.

Он даже успел забыть про погоню.

Внутренний навигатор вновь привёл его к дому Леры. Виктор торопился. Он выскочил из машины, не обращая внимания на деньги. Где-то позади плелась «Лада», грустно мигая синим огнём...

Дверь в дом была открыта – выломана. В большой комнате ярко горел свет. На полу без движения лежала молодая стройная девушка. Вместо правого глаза у неё зияла чёрная дыра, из которой текла густая чёрная кровь вперемешку с чем-то белым.

Виктор аккуратно приподнял её голову. Девушка ещё дышала.

– На помощь!!! – истерично крикнул мужчина.

Ему очень хотелось помочь незнакомке. Он уже не помнил и не понимал, почему он здесь. Но он точно знал, что это с ней сделал не он.

В этот момент в дом забежали полицейские.

* * *

А Вован бежал по просёлочной дороге, не разбирая пути. У него в обычном полиэтиленовом пакете лежало несколько миллионов рублей. А в душе вновь была эта ужасная нераз-

бери́ха, когда хотелось кричать от злости.

Он вновь не сдержался. В очередной раз.

Вован всегда был спокоен и уравновешен. Так говорили и его родные, и его кореша. Но когда в экстремальной ситуации он начинал чувствовать своё превосходство над жертвой, у него срывало башню. Он мог просто растерзать беспомощного человека, не заметив того момента, когда человек перестаёт быть живым.

Как и в случае с Федей, когда он застрелил его, хотя «клиент» почти раскололся. Как и в случае с Виктором, когда Вован, лишённый корешами огнестрельного оружия, был вынужден просто запинать бедолагу до полусмерти, не выпытав ничего путного.

Так и в случае с симпатичной девушкой Лерой.

Он очнулся, ворвался в её дом, угрожая своим травматическим пистолетом. Она отдала ему все деньги, но из-за истерики не смогла внятно рассказать, как она смогла их раздобыть. Но он разобрал слова о том, что причиной её обогащения был Виктор, который, похоже, угнал автомобиль Вована. Куда уехал Баюнов, Вован выпытать не смог. Он выстрелил в упор девушке в голову из своего несерьёзного оружия.

Но урон здоровью красавицы оказался более чем серьёзным.

Только тогда Вован снова обрёл свою уравновешенность, умение взять себя в руки. И он взял себя в руки. Вернее, взял ноги в руки и убежал, не разбирая пути.

* * *

Гоша был не груб с Лизой. Но ей не понравилось быть с ним. И это затянулось слишком надолго: она будто потеряла время и себя. Потеряла свой голос, своё мнение, своё право распоряжаться собой, своим телом.

Но всё-таки настал тот момент, когда Гоше наскучила близость. Казалось, что он был неудовлетворён. Он позвонил по нескольким номерам, что-то говорил. Лиза молча одевалась.

– Всё-таки твой муж не так прост. Нашёлся. Причём, только что, – сказал Гоша, завязывая свой тёмно-синий галстук. У него это получалось очень аккуратно даже без зеркала поблизости.

– Где? – Лиза пришла в себя.

– В той же деревеньке, откуда мы тогда его увезли в больницу.

– С ним всё в порядке?

– С ним всё отлично. Только не помнит ничего. Впрочем, это его давняя суперспособность. А вот девушку он изуродовал достаточно изощрённым способом. Вряд ли выживет.

– Какую девушку?

– Ту, что не дала ему тогда окончательно замёрзнуть.

Жаль, симпатичная была девочка.

– Господи!

– Да, пути его весьма забавны.

– Мы должны ехать, срочно!

– А куда теперь мы поедem? Его взяли под стражу. Ищи адвоката. Впрочем, из-за его инвалидности ему всё может сойти с рук.

– Ты не шутишь? – не верила Лиза.

– Шутит твой муж. Причём, весьма удачно. Он чем-то выбил девочке глаз. Подробности узнаем позже. Даже самому интересно.

– Ты мне поможешь?

– Я посмотрю, есть ли для меня какая-нибудь выгода в этом деле.

Лиза хотела сказать, что она за всё заплатит, но вовремя поняла, что ей больше нечем его удивить.

Он ушёл. Она стала думать о том, как для неё обернётся эта ситуация. Может, оно и к лучшему?

Глава 6

Для Виктора следующие дни были такими же, как и предыдущие, начиная с момента, когда он пришёл в себя после того, как ему неудачно настучали по голове. Внутри него были привычные чувства: непонимание, удивление, злость. Правда, добавились ещё некоторые обстоятельства: холодная тюрьма, допросы. Но всё, как всегда, быстро забывалось. Было только очень скучно. Хотелось биться головой об стену и дебоширить. Но он этого не делал, лишь изредка ругался со следователем, который пытался хоть что-то у него узнать. Но опытный сотрудник полиции ничего не смог добиться.

Благодаря некоторым связям, Гоша узнал о том, как продвигается расследование по этому делу. Он всё пытался извлечь в будущем хоть какую-нибудь выгоду из этих знаний. У него были некоторые мысли, но они пока не хотели формироваться в чёткий план. Возможно, все деньги, которые были замешаны в этом деле, для него уже потеряны, и остался только интерес, возможность вести наблюдение в целях собственного развлечения.

Через пару дней Лера вышла из комы. Её отца не стали беспокоить сообщением о случившейся беде, ведь он сам всё ещё лежал в больнице, и его состояние здоровья было не из лучших. Но он ежедневно продолжал заочно ругать дочь за

то, что «загуляла и забыла про своего старика, когда растишь их, растишь, и никакой благодарности».

Когда девушка, лишившаяся одного своего глаза, смогла вменяемо осознавать то, что с ней случилось, ей устроили очную ставку с участием Виктора.

Она была ещё очень слаба, поэтому в помещение, где находился Виктор, несколько подставных лиц, полицейские, следователь и понятые, её привезли на инвалидном кресле.

Лера узнала Баюнова. Он её не узнал. И ничего в его душе не затрепетало при виде похудевшей, некогда красивой девушки. Видимо, его симпатия к ней была столь же мимо-лётна, как и его память.

– Здесь нет того человека, который напал на меня. Я знаю, что вы подозреваете его, – Лера указала на Виктора. – Но это не он.

– Вы уверены? – уточнил прокуренный насквозь дешёвыми сигаретами следователь.

– Да, я абсолютно уверена. Я готова сотрудничать со следствием. Мы можем составить фоторобот, – сказала Лера.

– Что я тут, матери ваши грешницы, делаю? – вмешался в разговор Баюнов. – Я домой хочу.

– Отпустите его, пожалуйста, – попросила Лера.

– Я и сам неплохо уйти могу. Я, в отличие от тебя, профессор Ксавье, на инвалидной тачанке не катаюсь, – дерзил Виктор.

Следователь разочарованно отдал приказ о том, что все,

кроме Баюнова, свободны. Виктора увели. Он много ругался.

Следователь закурил. У него вся конструкция доказательств обвинения разрушилась в пух и прах.

* * *

– Витя, дорогой, мы домой едем, неужели ты не рад? – спросила Лиза у своего мужа, когда они ехали из следственного изолятора на такси в сторону дома.

Её муж промолчал, хотя очень хотел ругаться. Но он сильно устал. В заточении его мысли тормозились ещё сильнее, и не было у них развития.

Виктора отпустили под подписку о невыезде. Но всем причастным, кроме Виктора, уже было понятно, что с него снимут все подозрения. Так вскоре и произошло.

* * *

Вована, владельца старого «Мерседеса», объявили в федеральный розыск. Он прятался, как мог: залёг на дно в до-

ме, где прошло его детство. Он тут давно не был, с роднёй контактов не поддерживал. Но добравшись до старой двухэтажки, он застал пустоту: дом стоял без окон и дверей. Пришлось бомжевать, обдумывая дальнейшие действия. Нужно было понять, как распорядиться деньгами.

Здесь Вована и нашли его же кореша. Первым делом, они изрядно попинали своего бывшего товарища.

– Как ты мог, Вовчик? – спросил один из мужчин у Вована.

На его шее от пота блестела татуировка, не слишком художественно изображающая дракона. Мужчина когда-то хотел создать что-то вроде якудзы, а получилась обычная шайка бестолковых оборванцев, которые думали только о себе.

– Обстоятельства, – прохлюпал разбитыми губами Вован, прикованный наручниками к почему-то ещё не демонтированному радиатору в доме, в котором отопления не было уже несколько лет: старая двухэтажка дожидалась своего сноса.

– И чего ты добился этим? – задал второй вопрос главарь их небольшого сообщества по криминальным интересам.

– Ничего, – ответил за Вована лысый здоровяк, не отпускающий из рук пакет с деньгами.

– Как думаешь, что теперь с тобой будет? – задал третий вопрос мужчина с татуировкой дракона.

– Что ты мне сделаешь? – спросил Вован.

Его мучитель вздохнул: не нравилось ему всё это, но что-то сделать он был обязан. Пришлось достать пистолет, при-

крутить глушитель и привести оружие, как говорится, в боевую готовность. Но стрелять он не торопился. Обычно Вован был в роли палача. Но сегодня палач сам «на плахе», поэтому всё было не просто. Митя в такие моменты всегда говорил, что он просто водитель. И сейчас он жался у выхода, не встречая в разговор. Лысый мог промахнуться, тот ещё человек-косяк...

– Не убивай меня, – попросил Вован.

Ему тоже не нравилось сидеть на холодном полу, дышать пыльным воздухом и глотать кровавые комки.

– Почему? – спросил мужчина, посмотрев в окно, давно лившегося стекла.

Вдалеке дымил завод, рядом чернели старой древесиной такие же дома под снос, покосившиеся сараи.

Вован привёл аргумент:

– Я достану ещё денег.

– Думаешь, в деньгах дело? – сказал как можно равнодушнее мужчина, хоть дело действительно было в деньгах. – Застрели его...

Он передал пистолет лысому. Грех на душу брать не хотелось. Но лысый мог просто сказать «нет». Он иногда говорил «нет», если ему что-то сильно не нравилось. И это «нет» расстраивало больше, чем возможность промаха или другого косяка...

Но лысый взял пистолет. Взял уверенно. Видно, он тоже разочаровался в Воване. Вот тогда-то мужчина, прикован-

ный к чугунной батарее, испугался. Нет, он предполагал, что его убьют, но ему совсем не хотелось, чтобы его тело дырявил этот увалень.

– Не надо! Я знаю, где остальные деньги! – прокричал он.

– И где? – лысый озвучил вопрос раньше главаря банды.

– У бабы!

– Какой бабы? – вновь взял инициативу в свои руки мужчина с «крутой» тату. – У той, которой ты глаз вышиб?

– Нет! – поторопился с ответом мужчина. – У жены этого склеротика!

– Почему тогда, если она обладает такой суммой, то ведёт себя так... скромно? – спросил лысый. Ему уже хотелось стрелять в Вована, он был зол на него.

– Она ждёт момента! – сказал Вован.

Эта вводная фраза возымела эффект: предположения Вована пришлось выслушать.

* * *

Работу никто не отменял: Лиза всё также трудилась на благо «Имперы» – корпорации монстров, простых работяг и мелочи пузатой, распространяющей слухи о жизни девушки. Но Лиза терпела эту работу, эту жизнь. Терпела постоянную ампутацию частичек своей молодости, чувств, счастья.

Хорошо, что Гоша больше не заходил. Хотя, может быть он смог бы приструнить эти распоясавшиеся злые языки, обладатели которых свербили своими взглядами спину девушки. Как хотелось с себя сбросить этот груз постоянного негатива, почувствовав на своих плечах свободу, позволяющую расправить крылья. Но крылья сгнили в рутине, коллегиальном болоте, ненависти к родному дому.

И вот Гоша снова появился в офисе. Сначала, он прошёл мимо Лизы в сторону главного крыла. Быстро, нервно, распространяя запах своего дорого парфюма по близкорасположенным к проходу рабочим местам. После его ухода кто-то где-то усмехнулся, и Лиза вновь почувствовала на своей спине фантомные ощущения острых взглядов. Когда Гоша шёл обратно, он всё-таки обратил своё внимание на Лизу.

– Мы ещё не прощаемся, – с ухмылкой сказал он.

Но в офис он в этот рабочий день больше не заходил.

Лиза шла домой как можно медленнее. Холодный вечерний воздух щипал лицо, дотрагивался до той самой горемычной спины, холодя тонкие ручки пота, появившегося после душного офиса и маршрутки. Домой не хотелось и на работу тоже не хотелось. Замкнутый круг. Было дурацкое желание вечно бродить по этой аллее, символизирующей жизнь: освещённые фонарями участки сменялись провалами вырвиглазной темноты. Только вот жизнь Лизы не радовала светлыми полосами.

Аллея около дома была просторной. Она напоминала

взлётную полосу, только в конце неё всегда ждало падение: многоэтажный дом с огнями в квартире, где поселилось беспомыслие. Беспомыслие счастья.

Как хотелось, чтобы впереди ждало что-то чудесное, позитивное, но там был только этот чёртов дом безысходности. В моменты острого ощущения неблагополучия Лиза доходила до конца аллеи, потом разворачивалась, и шла обратно. Лиза не считала свои попытки всё-таки добраться до дома, большая часть осени прошла в этой борьбе желания взлёта с обескрыленной реальностью. Но девушка всегда возвращалась домой.

И этот вечер мог получиться обычным: круги по аллее в то время, когда ночные гуляющие компашки ещё не собрались, а дневные мамочки с ребятишками уже сидели дома. Но тишину вечерней прогулки прервало появление незнакомца: из тьмы под свет фонаря вылез страшный тип с разбитой физиономией. Лиза подумала, что это бомж, который будет просить денег.

Почти так оно и случилось.

– Где деньги, сука?! – вскрикнул незнакомец.

– Сейчас, – сказала Лиза и полезла в сумку за кошельком.

– Я не про это! – злобно сказал мужчина. – Я имею в виду деньги твоего мужа, куда он их спрятал?!

Незнакомец подошёл к Лизе вплотную: от мужчины не пахло алкоголем, но он всё равно был противен.

– Где Виктор прячет свои деньги?! – вновь громко спро-

сил он, оглядываясь по сторонам.

Лиза не заметила, но в этот момент с аллеи свернули парочка влюбленных и один весьма уставший на работе мужичёк, не желая связываться с чем-то их не касающимся.

– Я не понимаю о чём вы! – сказала Лиза.

Вован, сильно снизив звук своего голоса, тихо прошипел на неё:

– Очень аккуратно набери номер ментов и убери телефон в карман, не прекращая вызов. Потом начни истерить, кричи, что тебя убивают...

Лиза спешно разблокировала телефон. Меню, история вызовов, в доступной близости номер Гоши. Ему она и набрала. Раздалась гудки, слишком громкие. Девушка приложила телефон к уху.

– Дура! – злобно прошипел Вован и толкнул Лизу.

Девушка упала на жёсткий асфальт. Телефон звонко ударился, но гудки не прекратились. Потом, спустя один короткий миг, из трубки раздался голос Гоши:

– Не ссы...

Лиза подумала, что ей это послышалось. Но долго думать не было возможности: из темноты выскочило трое мужчин. Один из них, блестя в свете фонаря лысиной, начал стрелять. Хлопки были совсем тихими, но в темноте кто-то гулко упал.

– Попал что ли? – спросил один из мужчин.

У него тоже в руках был пистолет с удлинённым дулом. Лиза видела в фильмах, что именно так и выглядел глуши-

тель. Ещё у этого мужчины развязался шарф, обнажив на шее нелепую татуировку в виде какой-то рептилии.

– Попал! – счастливо улыбнулся лысый здоровяк. – Опять нас кинуть решил! Идиот!

Раздался вскрип боли – третий участник недолгой погони где-то в кустах перевернул раненого Вована на спину.

– Хорошо попал, он не жилец, – сказал тот, кого Лиза не смогла разглядеть в темноте.

Мужчина укрыл шарфом татуировку, огляделся: аллея была пуста. После этого он наклонился над Лизой и толкнул её пистолетом в плечо, чтобы девушка не думала подниматься.

– Видишь, как тут не весело, – сказал он.

Лиза кивнула. Было страшно до онемения. Ещё несколько мгновений назад она была готова распрощаться с жизнью, но прощание оказалось долгим, большим, унижительным, страшным.

Мужчина направил на неё свой пистолет и сказал максимально убедительно:

– Твой муж украл деньги у своей фирмы. К слову, это были деньги обманутых дольщиков. Знаешь, сколько людей «кинули» с жильём? Твой муж их и кинул. Искупил его грехи: скажи нам, где деньги тех несчастных людей?

– Я не знаю, – сказала Лиза. – Я ничего не знаю про эти чёртовы деньги...

Мужчина замахнулся на неё. Лиза закрыла лицо руками,

скрывая сырость своих испуганных глаз, повторив свой ответ.

– Заканчивай с этим цирком, дракончик, – сказал кто-то.

Кто-то очень самоуверенный, довольный собой. Лиза узнала Гошу, и она была рада его слышать. Рядом был какой-то шорох. Кого-то били, кого-то волокли лицом по асфальту.

– Гоша, – испуганно положил пистолет около Лизы мужчина с массивным шарфом, который снова обнажил его тауировку. – Гоша, я не знал, что это ваше дело!

– В этом городе любое дело наше, – сказал Гоша.

Он не обращал внимания на Лизу. Но девушку кто-то всё-таки поднял на ноги. Это были люди Гоши. Они вручили ей её сумку и треснувший, но работающий телефон. Потом эти же люди быстро и аккуратно куда-то увели оправдывающегося перед Гошей мужчину.

– Гоша, я не знал! – говорил он.

– Рот закрой, – сказал ему Гоша и тот послушался. – А ты ничего не видела.

Последнюю фразу он сказал Лизе. Девушка податливо кивнула.

И как он мог что-то видеть в своих чёрных очках в этой темени. Казалось, они остались на аллее одни, но рядом кто-то шуршал в кустах, хлопали двери автомобилей, припаркованных совсем рядом. Заводились двигатели.

Лиза сказала Гоше:

– Я ничего не знаю. Что вы все от меня хотите...

– Я рано или поздно всё узнаю, – сказал Гоша.

– Я правду говорю!

– Я. Это. Узнаю. Эти бакланы не просто так решили с тобой поговорить...

– Я их не знаю! Отпусти меня, – сказала девушка, хоть её никто и не держал.

– Иди, – просто сказал Гоша.

– Что с ними будет? – спросила Лиза, убирая телефон в сумку.

– Тебя они больше не побеспокоят, – сказал Гоша. – Как и меня.

Лиза старалась уйти, не оборачиваясь. Ей это удалось.

Когда она пришла домой, Витя её не встретил. Он смотрел какой-то новый мультсериал: Лиза подключила новый кабельный канал, где мультфильмы шли круглосуточно и Виктор был доволен. Девушка вошла в комнату, села на диван рядом с мужем, спросила:

– Витя, Витюша, где деньги, что ты украл?

– Ты дура или дура? – обратил на жену своё внимание мужчина.

Девушка всегда знала, что так притворяться невозможно. И опять в этом убедилась, но сомнения всё равно поселились в её мыслях. Впрочем, более содержательный разговор чуть попозже вылился итогом в виде более изощрённых ругательств в её сторону. И больше ничего. Зато этой ночью

девушка всё точно для себя решила.

* * *

Леру выписывали из больницы. Ей нужно было ехать домой, но она не хотела. На улице лил холодный октябрьский дождь. У неё не было соответствующей погоде одежды.

Отца недавно тоже выписали из больницы, и он узнал о том, что случилось с его дочерью, но ехать за ней в город отказался. Девушка пока не знала, изменилось ли его отношение к ней. Может быть, он стал мягче, понял, что зря был с ней так груб? Или, учитывая этот отказ, она, скорее всего, получит новую тему для упрёков.

Лера думала об этом и беззвучно плакала, стоя у окна больничного коридора. Ей хотелось обнять своего старого немощного отца. И, может, попросить прощения за всё. За всё – не только за то, что от неё зависело. И, одновременно, ей хотелось никогда больше не видеть этого злобного старика.

У неё не было денег на дорогу. Но можно было продать старый телефон, который пришлось достать из дальнего ящика, лишившись своего более современного мобильного. Но много ли дадут за эту модель, с которой она ещё училась в школе?

В этот день отец ей так и не позвонил. Впрочем, она и сама решила лишний раз его не тревожить.

У девушки возникло желание набрать номер Гоши, благо та бумажка с одиннадцатью цифрами у неё была с собой, в кармане забрызганных кровью спортивных штанов.

– Гоша, здравствуйте, это Лера. Вы, наверное, меня не помните, но вы дали мне свой номер телефона...

– Лера, которая из деревни? – начал вспоминать Гоша.

– Да. Которая из деревни. К сожалению, у меня возникла не простая ситуация...

– Я в курсе твоей ситуации. Чего ты хочешь от меня?

– Извините. Ничего.

– Ладно, подожди. Я сейчас подъеду. Ты ещё в больнице? Давай адрес.

Девушка назвала номер больницы, после чего отключила свой дешёвый кнопочный аппарат. Ей было очень неприятно просить его о какой-либо помощи, но она всё-таки сделала это. Знакомых из города или деревни ей не хотелось тревожить ещё больше. Ей и так придётся готовиться к обилию слухов об её одноглазой участи. И не понятно, что было хуже: сочувствие или простое обсуждение.

Гоша приехал неожиданно быстро. Лера сидела в фойе больницы и смотрела на грязный пол, покрытый обшарпанной плиткой. Она понимала, что Гоша не будет ничего делать просто так. Ей начало казаться, что если она сейчас не откажется от его помощи, то дальше будет только хуже.

– Привет, – тихо сказал он ей.

Она боялась поднять на него свой взгляд, чувствуя, как он рассматривает её сквозь чёрные стёкла своих очков. Она боялась, то он увидит заляпанный лейкопластырем, бинтом и ватой глаз. И не сможет больше никогда посмотреть на неё с интересом. Наверное, это же было к лучшему.

Но она не решилась поднять голову, тихо пролепетав:

– Извините. Я зря вас потревожила.

Он положил ей на колени апельсин.

– Думаю, я не зря сюда приехал. Не разочаровывай меня. Может, организуем твою встречу с Витюшкой? Там ещё есть что-то интересное в этом деле.

– Ещё ничего не закончилось? – девушка обратила взгляд на молодого человека.

Он рассмотрел её лицо, потом отвернулся, сел рядом на скамейку, положив ногу на ногу. Он медленно начал свою речь:

– Представь, что сейчас от тебя зависит судьба мира. Точнее, только твоего мира. Жизни. Говори всё, как было. Я начну рассказ. Больше года назад, Виктор был успешным менеджером в одной конторе, что занималась строительством, недвижимостью. И эта контора что-то решила намутировать. Нагрели они своих клиентов на хорошую сумму денежных средств. Витя со своим товарищем Федей узнали про эту аферу. И вот тут начинается не понятное. Они выкрали эти деньги. Но неизвестно, хотели ли они их вернуть обма-

нутым вкладчикам, либо присвоить себе. На их след вышли одни дурачки, нанятые руководством той фирмы. Наши друзья деньги спрятали, будто бы они не причём. Не прокатило. Друга Вити, которого звали Федя, эти дурачки убили. Потом попытались также надавить на Витю. Витя не сдался, но они его покалечили так, что он лишился памяти. Потом мы узнали об этом деле, о деньгах, которые неизвестно где лежат. Мы тоже попытались найти эти деньги, но – не судьба. И вдруг у Вити случилось видение. И он часть денег нашёл. С помощью тебя. Теперь твоя очередь продолжать рассказ.

– Я ехала в электричке домой к отцу. Он решил со мной познакомиться. У меня была лопата. Он предложил пойти копать с ним клад. Я согласилась. Он выкопал из земли сумку с деньгами. За нами следил тот мужчина, что стрелял в меня. Он ещё в тот день угрожал мне, но отпустил. Я убежала. Потом встретила Виктора на перроне. Он был весь мокрый. Уже без денег. Я пустила его домой, позвонила его жене. Вы приехали. Потом, месяц спустя, он приехал ко мне поздним вечером. Вновь предложил пойти копать клад. Я вновь согласилась. Он вновь выкопал деньги. Отдал часть мне и уехал. Я вернулась домой. Ко мне вскоре ворвался тот безумный мужчина. Он забрал у меня деньги и выстрелил мне в голову...

– Бедняжечка. Общался я с корешами этого стрелка. Они, к сожалению, мало что понимают. И тот, кто причинил тебе вред – умер. Причём, убили его свои же кореша. Значит, су-

дя по твоему рассказу, претензий на эти деньги ты никаких не имеешь. Но ситуация забавная. Как думаешь, может всё-таки Витя придуряется, и всё с ним в порядке? Может с этим стрелком, что тебя глазика лишил, они заодно? Не нравится мне эта история, глупая она какая-то. Но твоя роль в этой эпопее мне кажется не такой безобидной.

– Я просто совершила ошибку, – Лера была подавлена, напугана. Она испугалась из-за того, что Гоша ей не поверил.

– Есть сведения, что это ещё не вся сумма, что тогда спрятали Витька с Федькой. Деньжат было больше. Нам, конечно, и так на хлеб с маслом хватает. Но аппетит, знаешь ли, у нас отменный.

– Прошу вас, скажите, что вы меня ни в чём не подозреваете, – тихо заплакала Лера.

На неё стали коситься люди, что находились в огромном фойе больницы. Гоша предложил уехать:

– Поехали отсюда, циклопчик мой ненаглядный.

– Куда?

– Туда, где ездят на верблюдах. И от любви качает теплоход.

Они вышли из больницы. Апельсин, который Гоша вручил девушке, остался лежать на скамейке.

Гоша помог Лере сесть в огромный красивый джип. Они разместились на заднем сидении, за рулём сидел молодой человек с небольшой бородкой. Он, казалось, не обращал на них никакого внимания.

– Как ты думаешь, я худой? – спросил у Леры Гоша.

– Немножечко, – продолжала ронять слёзы Лера.

– Разговор у нас закончился на том, что я говорил про аппетит. Он есть. Надо как-то найти остатки денег. Думаю, ты мне поможешь. Иначе мне придётся превысить лимит грехов на одну неделю.

– Я не смогу помочь...

– Тимур, а отвези-ка нас в лес!

Водитель без каких-либо эмоций повёз их за город. По дороге никто не проронил ни слова. Гоша вдруг увлёкся какой-то игрой на телефоне, а Лера попыталась успокоить себя. И у неё это даже получилось. В кармане своей лёгкой спортивной ветровки она до хруста пластмассы сжимала свой мобильный телефон.

Они остановились где-то на опушке леса, что успел скинуть с себя листья, приготовившись к первым снегопадам. Но их всё не было. Только дожди, дожди...

– Как ты думаешь. Тут грибы есть? – спросил Гоша.

– Я не знаю, – ответила Лера.

– Она не знает. А ты, Тимур, знаешь?

– Не знаю, шеф, – ответил Тимур.

– Сходи, Тимур, поищи. Белые там. Подберёзовики, ли-сички.

– Хорошо, – сказал Тимур и вышел из автомобиля под дождь.

Гоша и Лера остались в машине вдвоём. Было только

слышно, как крупные капли падали на крышу автомобиля.

– Ты любишь ходить за грибами? – спросил Гоша.

– Если честно, то нет, – даже не пыталась улыбнуться Лера.

– Ясно.

Гоша достал какую-то небольшую железную коробочку, откуда высыпал себе на ноготь немного белого порошка, который тут же одним глубоким вдохом втянул в себя. Потом повторил процедуру ещё раз. После этого он, поправив очки, повернулся к девушке.

– У тебя есть с собой телефон?

Лера не нашла, что ответить. Сделала вид, что не поняла вопроса.

– Ну, чего молчишь-то. Я знаю, что есть. Я просто хочу понять, камера у телефона хорошая?

Он аккуратно вытащил её руки из карманов олимпийки, разжал правую ладонь, вытащив дешёвый телефон. Мужчина расстроился:

– Какой плохой аппарат. Совсем камеры нет. Нисколько.

Гоша приоткрыл окно и выбросил телефон. Из приоткрытого окна повеяло прохладной свежестью.

– Смотри, какой у меня телефон, – сказал Гоша, включив видеозапись на своём дорогом аппарате, установив его перед собой так, чтобы было видно его спутницу.

– Что вы делаете? – недоумевала Лера.

– Домашнее видео. На самом деле, я пока не знаю, что я

делаю. Импровизация. Но я знаю одно. Ты должна, ты просто обязана меня убедить в том, чтобы я не лишал тебя второго глазика. Прикинь, как без него плохо будет. С одним-то ещё куда не шло, а вот без двух совсем плохо.

– Нет, прошу вас, умоляю...

– Надо хорошо попросить, хорошо поумолять.

– Встать на колени?

– Да, думаю, так будет удобнее умолять. Я ведь не зря сказал про домашнее видео. Ну, давай. В прямом смысле давай. Ты чё, как в первый раз.

Лера сидела и не знала, что делать. Она, наверное, даже смирилась со всем, что может произойти. Пусть с ней делают всё, что угодно, только пусть не заставляют это делать осознанно.

– Знаешь, у меня ещё ни разу этого не было с одноглазой, – сказал Гоша, стягивая с девушки её спортивные штаны.

– Пожалуйста, не надо...

– Такие фразы ещё сильнее заводят. Хотя, с тобой что-то не прокатывает. Ты давно мылась? Ноги не бреешь что ли? – резко сменил тон Гоша.

– Пожалуйста, прекратите...

– Что-то мне тебя не хочется. Ерунда какая-то. Всё равно скучно. Хоть бы случилось что-то такое интересное, неординарное. Зомби пусть что ли на планету нападут. Инопланетяне какие-нибудь. Я не знаю. Скучно и предсказуемо всё

как-то. Мне даже что-то захотеть не получается, всё само по себе происходит. Может быть, если все деньги найдём из вашего клада, тогда поинтереснее будет. Хоть ненадолго. Хоть на секунду.

– Да, я попробую вам помочь, может у меня получится! – поддержала мысль Лера.

– Если получится, то будет замечательно! Тут только главное долго мучиться.

– Я сделаю всё возможное, – с воодушевлением сказала Лера.

Ей было холодно сидеть в одних трусиках на холодном кожаном сидении. Из приоткрытого окна сильно дуло.

Гоша, закурив, сказал:

– Конечно, сделаешь! Мне ведь ничего не стоит уничтожить тебя в случае чего. Тогда поехали к Витеньке домой! Надевай штаны. Где мой телефон?

Лера указала на аппарат, что продолжал снимать видео. Девушка натянула штаны, а Гоша позвонил Тимуру, который сразу же вернулся в салон автомобиля: весь мокрый и без грибов.

Глава 7

Они поехали к Баюновым. Всю дорогу весёлый Гоша сетовал на то, что ему так и не удалось снять домашнее видео с Лерой, и на то, что Тимур вернулся из леса без грибов.

Когда они приехали к дому Баюновых, Гоша позвонил Лизе, но не дозвонился. Его номер в мобильном аппарате девушки оказался заблокирован.

* * *

В этот день Виктор чувствовал себя достаточно хорошо. Даже первым начал разговор с женой. Новые таблетки давали положительный эффект.

Мужчина рассказал о своей печали по поводу того, что он не видел, как прошло это лето. Будто и не было в его жизни этого времени года. Про утраченную весну, зиму, осень и прошлогоднее лето он думать не стал. Хватило и этого факта. Тогда Лиза, заранее уволившаяся с работы, чтобы закончить намеченные дела, предложила Виктору сходить погулять.

Дождь кончился, и они пошли гулять, взявшись за руки. Девушка мысленно прощалась с мужем. Она по многим причинам не могла больше оставаться с ним под одной крышей. Ещё она свято верила в то, что его сестра смогла подобрать хорошую лечебницу, где Виктору будет действительно лучше. Оставалось уладить некоторые вопросы и всё – этих прогулок по аллее у них больше никогда не будет. Да и с этой злосчастной аллеей надо было попрощаться – единственное её любимое место в этом городе испортило свою атмосферу тем инцидентом. Но разве могло здесь случиться что-то плохое днём?

Гоше не терпелось встретиться с семьёй Баюновых, чтобы поскорее с блеском завершить начатое дело: ему казалось, что Лера любовница Виктора из того времени жизни, когда тот ещё дружил с головой. Гоша до конца не продумал план действий в сложившейся ситуации, и вновь решил импровизировать по мере необходимости. Его люди, ведущие слежку за Баюновыми, доложили, что семейная пара сейчас прогуливается по аллее около их дома.

Гоша ненадолго вытащил свой блестящий пистолет американского производства, немного повертел его в руках, делая лишнее вербальное внушение Лере, чтобы она не забывала, с кем имеет дело. Но девушка и так тряслась от страха.

Потом он снова приложился носом к белому порошку. Поймав воодушевление, он сказал:

– Пора!

Гоша и Лера вышли из машины, а Тимур остался сидеть за рулём. Аллея была совсем близко, и в будний день на ней было достаточно пусто. Молодые люди сразу же заметили семейную парочку на другом конце аккуратно заасфальтированной пешеходной дорожки, скрытой от улицы двумя рядами близкорастущих, по отношению друг к другу, деревьев и кустарников.

В лужах купались листья, мокрые скамейки не располагали к посиделкам, и небо вновь обещало разразиться дождём. Общая серость пульсировала тревогой внезапных порывов холодного ветра. Октябрь не мог быть другим, он был сонным, депрессивным, дождливым. И негде нельзя было от него скрыться. Меланхолия неизлечимой болью проникала всё глубже в душу, заставляя бояться завтрашнего дня.

Лиза и Виктор в праведном молчании дошли до конца аллеи, не спеша развернулись, и пошли обратно. Виктор нёс зонт, взятый на случай внезапного дождя, а у Лизы в руках была её маленькая сумка со всем необходимым. Супруги были комфортно одеты и не спешили домой.

Когда Лиза увидела Гошу и ту несчастную девчонку из деревни, сердце её сжалось от тревоги. Молодая девушка выглядела мрачновато в своём спортивном костюме, надетым не по погоде. Один её глаз был закрыт бинтом. А Гоша был одет, как всегда, с иголочки. Стильное полупальто и чёрные солнцезащитные очки – вечный имидж, который дополняла ядовитая улыбка. Лиза немного поёжилась, а Виктор спо-

койно шёл им навстречу, не обращая внимания на то, что его супруга сбавила шаг. Конечно, ведь для него это были обычные прохожие, которые никогда надолго не задержатся в его памяти.

Гоша преградил дорогу семейной паре:

– Привет, красивые мои! Витя, ты помнишь меня?

На самом деле до трагедии, случившейся с Виктором, они виделись всего один раз. Но тот раз запомнился Гоше, ведь он увидел перед собой хорошего специалиста, способного на интересные махинации. Только вот свой дар Виктор не использовал в полной мере, как казалось Гоше. Баюнов только и мог защищать интересы своей гнилой конторы, когда в этом возникала острая необходимость. Не получилось Виктору стать успешным мошенником. Либо он просто всех искусно обманул. По крайней мере, Гоша иногда думал именно так. Он не мог поверить, что Виктор действительно хотел вернуть все деньги обманутым людям.

– Первый раз тебя вижу, – хмуро сказал Виктор.

– Ладно, актёр из тебя убедительный. Удивляет только то, что у тебя ещё нет «Оскара», – продолжал улыбаться Гоша.

– Что ты хочешь? – спросила Лиза.

– Не тебя. Хотя, может быть, как-нибудь в другой раз. По настроению, – сказал Гоша. – Но у нас с девочкой Лерой вопрос в другом. Есть ли у тебя, Витя, чувства к ней? Как ты мог так с ней поступить?

– Что за ерунда происходит? – начал выходить из равно-

душного состояния Виктор.

– Ты же знаешь, следствие доказало непричастность Виктора к этому делу! – сказала Лиза Гоше.

– Глупая женщина. Совсем не умеешь делать выводы, – развёл руками Гоша.

Его полупальто немного распахнулось, и Лиза успела заметить серебряный блеск рукоятки пистолета, зафиксированного в кобуре.

– Что ты хочешь этим сказать? – не понимала Лиза.

– Что я хочу сказать, то я обязательно скажу, – продолжал импровизацию Гоша. – Лера, молодая наивная девушка, любит твоего мужа до безумия. Несмотря на то, что он с ней сделал! А подставить какого-то гопника, по имени Вова, было делом техники. Так что, Витя, по справедливости надо отвечать сейчас. И, кстати, аборт Лера так и не сделала. Твой малыш всё-таки родится. Но время ещё есть. Что молчишь, Витя?

– Я хочу домой, – сказал Виктор.

Гоша наигранно разочаровался:

– Это совсем несерьёзно, мужчина! Лиза, что думаешь, как твой муж должен поступить?

– Бред, – сказала Елизавета Баюнова, рассматривая Леру, что стояла немного в сторонке. Ту трясло от холода или страха.

– Мне нужно домой, – вновь сказал Виктор.

– А ребёнку нужен отец! – театрально воскликнул Гоша. –

Ты помнишь хоть что-то? Помнишь, кто она?

Гоша ткнул пальцем на супругу Виктора.

– Помню, – неуверенно сказал мужчина.

– Кто она тебе? Как её зовут?

– Она... близкая, жена, наверное... – тихо сказал Виктор.

– Лизонька, тебе не обидно от этого? – поинтересовался

Гоша, а потом перевёл своё внимание на Леру. – Витя, а промочи что-нибудь по поводу этой девушки! Сделаю подсказку: её зовут Валерия. Как ты к ней относишься?

– Я её не знаю. Её травма делает её лицо не красивым, – сказал Виктор.

Его приступ острого желания уйти домой пропал, ему стало немного любопытно участвовать в происходящем.

– А раньше-то было красивым, вот что ты с ней наделал, – играл свою роль Гоша, немного перебарщивая с эмоциональностью. – А что же ты, Лерочка, молчишь?

Девушка поняла, что настал её черёд хоть что-то говорить, чтобы угодить Гоше:

– Витя, я очень тебя люблю. Неужели ты меня не помнишь?

Лера просто не знала, как играть свою роль.

– Я тебя не люблю, – расстроено сказал Виктор. – Но только потому, что мои мысли внутри моей головы слишком редко способны разогнаться до той скорости, когда я начинаю правильно воспринимать происходящее. Похоже, я чем-то болею.

– Вот такие бывают в жизни повороты! – сказал Гоша.

Он начал понимать, что этот разговор становится бессмысленным. Его блеф не вызвал ни у кого тех эмоций, которые могли бы дать хоть какую-нибудь зацепку в этом странном деле.

И тогда Гоша, осмотревшись по сторонам, и не заметив вокруг свидетелей, достал из кобуры пистолет.

– Зачем ты это делаешь? – вскрикнула Лиза.

Гоша разозлился:

– Витя, хватит играть в Фореста Гампа. Мы понимаем, что ты немного расстроен результатами своей аферы, но пора тебе всё рассказать...

– Я ничего не знаю, не могу сказать! Я не помню, мои мысли заторможены! – запаниковал Виктор, нервозно переключая из руки в руку увесистый зонт.

А Гоша продолжил говорить, уже не веря в эффективность своих фраз:

– Лиза, пойми, помимо молодой любовницы, у твоего мужа есть много денег. Но он их спрятал. Часть найти удалось. А другая часть остаётся бесхозной, а Витя всеми силами старается быть дурачком. Он гениальный аферист! Он украл огромные суммы!

– Я не крал! – возмутился Витя.

– Если ты не скажешь, где остальные деньги, то я просто застрелю твою жену, – придумал хороший ход Гоша.

– Зачем кого-то убивать? – Виктор был готов расплакаться.

ся.

Он решительно ничего не понимал. Или делал вид, как казалось некоторым.

– Где деньги, Лебовски? – настаивал на своём Гоша. – Витя, деньги где? Считаю до трёх! Раз!

– Я не понимаю о чём ты! У меня нет с собой денег! – паниковал Витя. Эта стресс-терапия ему совсем не нравилась. У него от паники заболел живот.

– Два-а-а! – громко протянул Гоша.

Ему, на самом деле, не хотелось стрелять среди бела дня, но он не мог придумать ничего лучше. Ему надоела эта бесперспективная история, но все варианты требовали отработки хотя бы из интереса.

– Витя, клад! Клад! – поддалась общей панике Лера.

– Клад очень нужен, – будто в озарении сказал Виктор.

– Зачем он тебе нужен, Витя? Где твой клад?! – почти закричала Лера.

– Я не помню, – честно ответил Виктор.

– Два с ниточкой! – продолжил отсчёт Гоша.

– Витя, скажи, где клад, он ведь убьёт меня! – запаниковала Лиза.

Она боялась сделать лишнее движение. Ей не хотелось умирать на мокром асфальте некогда любимой, а теперь окончательно проклятой аллеи.

– Я ведь убью её! Два с иголочкой! – сказал Гоша.

– Клад, Витя, клад! – пыталась докричаться до Вити Лера.

Но Виктор не знал, что ответить. Он заплакал и повернулся к Гоше спиной. Мужчина переправил пистолет на него, думая, что Баюнов попытается сбежать, но тот только упал на колени. После чего, он наклонился, аккуратно положил руки в лужу, и, не отпуская крепко сжимаемый зонт, дотронулся лбом до асфальта, немного испачкав лицо в грязной воде. Он стал похож на страуса, прислонившего свою трусливую голову к земле.

Гоша аккуратно подставил пистолет к затылку Виктора. Стрелять он не собирался, но продолжать морально угнетать он был обязан. Чуть позже он планировал сообщить своим людям, чтобы вывезли всех в лес, и уже там можно было начать пытать Виктора с большим энтузиазмом. Безднаказанность раскрепощает.

– Три кота – три хвоста. Три хвоста – три кота, – сквозь слёзы бормотал Виктор.

– Чего он там бормочет? – спросил Гоша и потянулся в карман за телефоном.

В этот момент Виктор резко повернулся и попытался ударить кулаком Гошу, но мужчина увернулся, прицелившись Баюнову прямо в лоб. Гоша мог нажать на курок, но всё-таки решил этого не делать.

А Виктор, после неудачного нападения, глядя на пистолет, что также был направлен на него в упор, резко, почти без замаха, ударил Гошу своим зонтом. И в этот раз он попал прямо в челюсть вооружённому бандиту. Рукоятка зон-

та разлетелась на пластмассовые осколки, отправив в нокаут худощавого модника.

Гоша упал на асфальт, хорошенько приложившись затылком. Его так и не выстреливший пистолет упал рядом.

– Бежим отсюда, скорее! – первой пришла в себя Лиза.

– Не бегите домой, там стоит его машина с водителем, – предупредила супругов Лера.

Тогда Лиза развернула находящегося в смятении Виктора в противоположную сторону, решив бежать к единственной подруге. Лера побежала с ними, предварительно вытащив из кармана Гоши его смартфон, на котором должно было остаться видео с угрозами.

Они выбежали с аллеи на большую дорогу, где Лера увидела патрульный полицейский автомобиль.

– Мы должны бежать к полиции, всё им рассказать! – сказала Лера.

Но Лиза была против:

– Нет! Решай всё сама! Мы тут не причём!

В этот момент их пути разошлись.

Лера привлекла внимание полицейских, после чего быстро поведала им о том, что ей угрожал пистолетом мужчина, который в данный момент обезврежен. Но когда полицейские добрались до аллеи, Гоши там уже не было – его увели поздно подоспевшие ему на подмогу подчинённые.

Лера испугалась давать показания против Гоши. Телефон с записью она также не предоставила полицейским. Пока те

пытались найти вооружённого мужчину на пустой аллее, Лера сбежала от них.

Около вокзала ей удалось продать телефон Гоши за бесценок. Она паниковала и не давала отчёта своим действиям. Девушке некуда было бежать, как бы ей этого не хотелось. Зато уже было не так страшно выслушивать ругань отца. Теперь она ждала, что за ней придут и спросят с неё за всё. И она должна была научиться жить с этой невыносимой тревогой, начиная каждое утро с молитвы, будто мысленно прощаясь с этим миром.

Баюновы несколько дней жили у подруги Лизы, бывшей некогда свидетельницей на их свадьбе. Вскоре сделка по продаже квартиры Баюновых была завершена.

Глава 8

За рулём небольшого аккуратного автомобильчика сидела сестра Виктора. Она была значительно старше брата, поэтому у них никогда не было общих интересов. Росли они порознь, не интересуясь жизнью друг друга. Они, наверное, даже друг друга недолюбливали, по крайней мере, не грустили от того факта, что могли не видеться несколько лет. И когда Виктор не смог вернуться к полноценной жизни после избиения, женщина больше жалела его супругу, чем его самого. И сейчас она с готовностью принялась помогать Лизе в том, чтобы Виктора положили в психиатрическую лечебницу. Навсегда.

На заднем сидении, уставившись в окно, сидела Лиза, и немного дремал после успокоительных препаратов Виктор.

Развод был практически оформлен, деньги от продажи квартиры надёжно ждали своего часа на банковских счетах, поэтому последним этапом перед началом новой жизни Елизаветы была реализация запланированной госпитализации Виктора. Это решение далось девушке не просто, она даже попыталась поверить в слова Гоши о том, что Виктор мог изменять ей с молодой деревенской девчонкой, попутно воруя миллионы. Но, конечно, были сомнения.

Один вопрос она всё-таки решила задать почти официаль-

но бывшему мужу, предчувствуя то, каким будет его ответ:

– Витя. Скажи хоть сейчас. Те деньги у бандитов ты стащил для себя или для того, чтобы вернуть их обманутым людям?

– Какие деньги? – очнулся Виктор.

– Мне сказали, что с такими суммами тебе было бы логичнее сразу свалить из страны. Навсегда. А ты начал какие-то странные операции делать...

– Ты вспотела что ли? – в голосе Виктора вновь появилась агрессия.

Все последние дни октября он был сам не свой, приходилось давать ему значительно больше успокоительных после того инцидента с Гошей. Возможно, также повлияла незнакомая обстановка чужой квартиры.

– Да, Вить, ты прав! – голос Лизы дрогнул, сестра Виктора недобро посмотрела на неё через зеркало заднего вида.

– Заметно. Куда мы едем? – спросил Виктор.

Лиза не смогла скрыть эмоции:

– Чёрт. Могу ли я иметь право знать хоть какую-то часть правды о тебе?!

Последние дни она ужасно плохо себя чувствовала. Но Виктор зациклился на другом:

– Я повторяю свой вопрос. Пока мне не сложно. Итак. Куда. Мы. Едем. А?

– Мы едем к Лере, – соврала Лиза.

– К какой Лере? – не понимал Виктор.

– Лера. Валерия. Твоя подруга из деревни. Которую ты любил...

– У меня нет подруг в деревнях.

– А в городе?

– Ты говорила про определённого человека. Кто она, эта Лера?

– Никто, – устало сказала Лиза.

– Головой бы твоей я дверь открыл, – без агрессии сказал Виктор. – Я не знаю о чём ты. Может быть, любил. Сейчас я никого не люблю, потому что я ничего не помню. Видимо, я ударился головой.

– Видимо, – сказала Лиза.

– Мой мозг ничего не помнит. А сердце живёт отдельно. У него свои заботы. Оно сейчас знает, что никого не любит. Мысли не хотят разгоняться, тормозят. Глупо говорить о том, кого я любил. Я же не знаю о прошлом. Может, я и тебя любил. Я мог...

Виктор высказался и замолчал, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь. Но не смог вспомнить даже имён тех женщин, что ехали с ним в автомобиле. А Лиза отвернулась к окну и тихо заплакала.

Любил.

Они приехали. Их быстро оформили. Сестра Виктора осталась ждать Лизу в машине, чтобы потом увезти её в аэропорт. А сама Лиза прошла вместе с бывшим мужем и врачом в палату, в которой будет жить человек, которому она отдала лучшие годы своей жизни.

Ремонт в больнице был давно, но чувствовалась благоприятная атмосфера во всём отделении. Лиза не увидела ни одного буйного, все пациенты ходили спокойные, может быть, немного заикленные на своих мыслях, своём внутреннем мире. Но ни одного безумного взгляда Лиза не встретила. На том она и успокоилась. Хотя, наверное, ей стоило самой заняться поиском пансионата-лечебницы.

Виктор не сразу понял, куда его привели. Но на первичном осмотре врача ему сделали укол, после которого его перестал интересовать вопрос собственного нахождения в этом пространстве. Он послушно зашёл вместе с врачом и Лизой в палату.

В палате жили ещё трое пациентов, но когда Баюнова привели, там никого не было, все ушли на обед. Помещение было узким и длинным, с одним большим окном, на котором была решётка. По обе стороны стен стояли кровати: две с одной стороны, две – с другой. Кровать Виктора была у са-

мой двери.

– Ну, прощайтесь пока, а мне надо бежать, меня ждут! – сказал седовласый доктор и покинул палату.

Виктор сел на кровать и стал рассматривать свои руки. Лиза положила в тумбочку сумку с его одеждой и небольшой пакет с нехитрой едой: два красных яблока, три немного потемневших банана, шоколадку, булку с маком и бутылку с негазированной водой.

Но её уже почти официально бывший муж не обращал на девушку внимания. Причём, в глубине души, он понял, что его надолго положили в больницу, но эмоции по этому поводу никак не желали выбираться наружу. Мужчина стал изучать пол, стёртый блестящий линолеум, не понимая, что он здесь не надолго, а навсегда.

– Вить, прости меня, – сказала Лиза, в её горле нарастал ком, который мешал говорить. – Тебе тут будет лучше. И мне. Будет лучше. Не сердись на меня. Попробуй чаще улыбаться, больше тебя никто не будет злить. Витюш. Мы больше не увидимся.

Она не стала тянуть и просто вышла из палаты, закрыв за собой дверь.

Виктор продолжил сидеть на кровати, изучая нехитрый узор старого линолеума. Он просто знал, что если бы поднял взгляд вверх, то тяжёлые слёзы разорвали бы его глаза в клочья, превращая весь окружающий мир в одну огромную открытую рану. Он прекрасно понял, что сказала ему

эта женщина.

Через некоторое время пришли его соседи по палате и заняли свои места на кроватях. У окна лёг на скрипучее ложе толстый мужчина сорока лет. Его движения были вальяжными, а взгляд тяжёлым. Напротив него устроился мужчина лет на пять моложе, среднего телосложения с уродливыми наколками на руках. Он успел пошарить в тумбочке Виктора и вытащить оттуда яблоки. Напротив Виктора сел на кровать молодой парень лет двадцати. Низкий, щуплый, с бегающим взглядом, долго не решающийся посмотреть на прибывшего пациента.

– Чё молчишь-то? Знакомиться-то будем? – спросил мужчина с татуировками, откусив большой кусок яблока. Второй фрукт он передал толстому соседу.

Виктор молчал. Ему меньше всего хотелось говорить.

– Обиженный что ли? – спросил толстый, ухмыляясь.

– Есть чё ещё с собой интересное, кроме тухлых яблок и бананов? – спросил мужчина в наколках.

– Давай сюда, если чё есть, мне всё надо, – сказал толстый. – Лухан, заставь его вещи дать посмотреть. Если носки есть новые, то мне давай.

Лухан, молодой парень, сидевший на кровати ближе всех к Виктору, запинаящимся голосом затараторил:

– Ты бы их слушал. Они тебе дело говорят. Говорят дело, потому что это дело. Отдал бы ты им вещи, зачем тебе они? Тебе вещи не нужны, ты с воли приехал. Отдай Серому по-

смотреть вещи. Отдашь Серому посмотреть, и он посмотрит. Он посмотрит, и возьмёт, что надо Макару. Скорее всего, всё надо. Сигареты. Особенно сигареты нужны. Без них никак. Сигареты тут, как деньги. Потому что это сигареты. Кстати, если деньги есть, их тоже давай. Деньги тут, как сигареты, а сигареты, это деньги. На деньги купить можно. И носки, да. Макару, тому крепкому мужчине, носки отдашь. Только грязные себе оставишь. Видишь, на батарее висит много носков. Это все его. Коллекция. Каждый должен уважать чужие коллекции. Только умные люди имеют коллекции. Он жену убил за то, что она ему новых носков не купила. Ты же хочешь жить, да?

– Не хочу, – сказал Виктор, не поднимая глаз.

– Опа! – сказал мужчина, которого Лухан назвал Серым. – Да ты у нас суицидник? Тут к таким уважения нет. Если сдохнуть хочешь, так дох бы раньше, зачем тянуть-то? Ты понимаешь, что ты недостойн среди людей порядочных быть?

– Ты не достоин ходить в носках! – резко сказал толстый Макар.

– Лучше давай по-хорошему, по-плохому это плохо! – сказал Лухан.

В палату вошёл седовласый врач.

– До восьми вечера дверь в палату не закрываем, – сказал он.

– Алё, док, зачем нам сквозняк? – запротестовал Серый.

– Эдуард, будешь бунтовать, ночевать будешь в коридоре, – спокойно сказал врач.

Серый обиженно сказал:

– Виталь Палыч, ну я много раз просил не звать меня Эдуардом. Я же Серый, Серёга это значит. Серёжа я!

– Вы с новеньким познакомились? – спросил врач.

– Ага. Он обиженный у нас! – засмеялся Макар.

Его смех подхватили Серый и Лухан.

– Так, вы это бросайте свои шутки! – сердито сказал пожилой мужчина в белом халате.

– Всё будет хорошо. А когда всё хорошо, то это хорошо! – сказал Лухан.

Потом пациенты ходили пить таблетки. Медсестра проверяла, все ли проглотили свои порции пилюль. Вечером, после ужина, дверь в палату была закрыта, после чего Серый стал лазить в вещах Виктора. Сам же хозяин вещей не мог никак помешать этому, так как плохо себя почувствовал после таблеток. Но злость в нём нарастала.

* * *

Прошло несколько дней. Но для Виктора время давно перестало существовать. Каждые полчаса он принимал удар судьбы в осознании того, что он находится в больнице среди

психов, и никого из близких не было рядом. Но, к сожалению, он не помнил тех людей, которые когда-то были близкими.

От уколов и таблеток в голове разрасталась тьма, поглощающая все привычные мысли, оставляя только зачатки слов, которые хотели превратиться в полноценные, наполненные хоть каким-нибудь смыслом предложения.

Однажды к нему приехала сестра. Он, разумеется, не узнал её, но она привезла немного сладостей и одежду, которую оставила ей Елизавета. Сложив вещи к нему в тумбочку, и оставив его тёплую куртку и сапоги в гардеробе, женщина уехала. Но Виктор успел подумать о том, что он теперь тоже сможет выходить на прогулки.

За окном ноябрь злился холодным ветром, изредка роняя белую крупу, похожую на мелко порезанный пенопласт. Дожди закончились, но снегопады тоже не спешили посетить здешние края. Температура воздуха всегда была ниже нуля, в палате было прохладно. А Виктор так ни с кем и не смог наладить общение.

Пришли с прогулки его соседи по палате. Всем раздали таблетки. Виктор нехотя проглотили свою порцию, как и остальные. А Серый чуть позже выплюнул свою таблетку себе под кровать.

– Ты чего это сегодня не закинулся? – удивился Макар.

– У нас сегодня праздник, вообще-то! Не хочу сейчас плохо соображать! – ответил Серый.

– Что за праздник, почему мы не радуемся? – захлопал глазами Лухан.

– К нашему молчаливому товарищу сегодня приходили! И, что-нибудь, да принесли! – сказал, радуясь, Серый.

Он подошёл к тумбочке Виктора, открыл её. Ему за спину заглянул любопытный Лухан.

– Посмотрим, что у тебя там за клад! – пропищал он.

– Клад? Клад очень нужен, – вдруг сказал Виктор, до этого равнодушно следящий за происходящим.

– Конечно, клад нам очень нужен! – сказал Серый, доставая пакет со сладостями.

– Ого, да тут клад так клад! – возрадовался Лухан, помогая Серому раскрыть пакет.

В пакете лежала большая упаковка чая, пряники, конфеты, шоколадки.

– Надо тоже посмотреть, – сказал Макар, с огромным трудом поднимаясь с кровати. – Вдруг там носки есть.

– Есть и носки в кладе, тёплые, – сунул свой нос в тумбочку к Виктору Лухан.

– Не трогай, – сказал Виктор.

– Почему я должен не трогать? Ты сидишь? И сиди, и не трогай, а я потрогаю! – протараторил Лухан, начиная творить беспорядок в тумбочке Баюнова.

– Ты же жить не хотел? Зачем тебе тогда тёплые вещи? – ухмылялся Серый.

– Три кота – три хвоста. Три хвоста – три кота, – пробормо-

мотал Виктор.

– Да, да, а четыре кота, это четыре хвоста! – весело сказал Лухан, уронив на пол всё содержимое тумбочки Виктора.

В этот день дверь в палату была закрыта.

Виктор резко встал на ноги. Голова закружилась, но вспышка гнева позволила сохранить равновесие. Баюнов схватил за шкуру щуплого Лухана, и несколько раз ударил его головой об свою тумбочку. Тот даже не успел вскрикнуть.

Густая кровь большими каплями пролилась на пол, и на лежащие на нём тёплые вещи Виктора. Лухан тряпичной куклой без сознания свалился на линолеум.

Серый замахнулся на Виктора, вложив все силы в удар. Баюнов видел, как кулак летит ему прямо в переносицу. Он опустил голову так, чтобы кулак попал ему в лоб. По-другому среагировать он не успевал. Лоб обожгло болью в тот миг, когда раздался хруст. Серый вскрикнул, затряс сломанной рукой, а Виктор нанёс ему хлёсткий удар по носу, который тут же своротило на бок. Макар попытался поспешить друзьям на помощь, но поскользнулся на крови Лухана, и громко упал на пол. Виктор поднял над головой свою тумбочку, которая тоже была вся в крови Лухана, и опустил её на голову толстому мужчине. Тумбочка развалилась, изранив голову здоровяку.

В палату забежали санитары.

На Виктора надели смирительную рубашку и вкололи

большую дозу успокоительных. После этого его доставили в палату для буйных, где привязали к кровати.

Виктор долго приходил в себя, потом начал осматриваться. У него очень болел лоб, но он уже почти привык к этой боли.

В большой квадратной комнате было несколько кроватей. На одной лежал он, на другой лежал какой-то крупный мужчина, которого привезли сюда чуть позже. Остальные кровати были пусты.

За окном, на котором были решётки, уже стемнело. В комнате тускло горел свет. Дверь в коридор была открыта, но там было тихо.

– Вот это у тебя просто шишак на лбу! Просто как вторая голова! Пришёл в себя? – спросил мужчина, что был также привязан к кровати.

– Тебе-то что... – устало сказал Виктор.

– Это просто погода такая. Просто она влияет. Рассказали мне, как ты этих троих бродяг просто загасил. Даже я себе такого просто не позволял.

– Что я здесь делаю и как я тут оказался, где мы?

Незнакомый мужчина начал весело рассказывать:

– Ты просто в психушке. Мы в отделении для буйных. Ты избил просто троих своих соседей по палате. Я просто знаю их, просто сам их бил пару раз. Теперь просто они меня не трогают. А ты просто хорошо их отметелил. Один до сих пор в себя придти просто не может. Сотрясение у него просто.

Второму больше повезло. Просто ты ему сломал руку и нос. У третьего тоже просто голова разбита, швы наложили...

– Я этого не мог сделать, – сказал Виктор, сомневаясь.

У него болела голова, но ему казалось, что он что-то начал понимать. Это психушка, это психбольной...

– Да, просто погода такая, – повторил сосед Виктора по палате, ему было весело. – Просто немного помутилось у тебя сознание. Это не страшно. Я как об этом узнал, тоже сразу захотел кому-нибудь просто рыло начистить. У меня это просто нормально получается. И просто начистил. Да. Я когда-то вышибалой работал в клубе. Просто это моё, я знаю, что это моё. И сегодня мне нагрубил один дядя, а я просто его через стол перекинул и всё. Ему от меня часто достаётся, потому что он постоянно обзывается. И я просто немного его подбросил. Вверх. И, вуаля! Я опять лежу здесь. Сегодня хоть компания со мной!

– Долго нас здесь продержат?

– Тебя – не знаю. Меня поздно вечером отвяжут, сделают укол, и я спать просто пойду. Меня нельзя долго тут держать, я просто ещё злее буду.

– У меня болит живот, мне хочется в туалет, – пожаловался Виктор.

– Просто потерпи. Сейчас только два дежурных остались. Пока они осмотр отделения сделают, пока просто покурят, чай попьют. Придут. Не забудут про нас. Просто мы одни такие буйные. Но, сейчас ноябрь, много таких просто будет. Но

в октябре больше было. Бывало, просто вся палата лежала.

– Как тебя зовут? – спросил Виктор.

Ему нужно было отвлечься от внезапно нахлынувшей боли в животе. У него всегда был слабый желудок.

– Ты что, меня не знаешь? Просто все меня знают здесь. И я тебя знаю, тебя Виктор зовут, не так давно ты в нашем славном коллективе. Я тебя ещё не бил. Шучу. В смысле, просто бить не собираюсь, если ты грубить мне не будешь просто. Зовут меня Вася-богатырь. Можно просто Вася.

– Приятно познакомиться, – сказал Виктор. – Может крикнуть санитаров? А то живот очень болит.

– Да смысл их звать, просто они не услышат. У нас отдельная палата. Просто в нашем крыле мы одни. Придут они, не волнуйся. Меня уже все лекарства отпустили. Просто подождём.

– Я не могу ждать, – сказал Витя.

– Деваться некуда. Просто даже у меня не получалось разорвать эти оковы. Просто я пока могу рассказать тебе несколько историй из жизни. Просто, чтобы поддержать.

И Вася рассказывал. Долго и много. За двадцать восемь лет его жизни он поучаствовал во многих передрыгах, начиная с самого детства. А здесь он уже больше года, и совсем скоро его выпустят. Он в это свято верил.

Наступила ночь. Они, вместе с Васей, попытались звать санитаров, но их никто не слышал. К ним пришли только утром, когда они оба очень хотели в туалет. Им вкололи

успокоительные препараты, после чего отвязали от кроватей.

Мужчин сопроводили в туалет. Вася много ругался. Виктор всё таки не вытерпел и ему потом пришлось подмываться. После всех препаратов у него было плохо с координацией движений.

Виктора поселили в отдельную палату, и санитары стали больше уделять ему внимания. Палата была маленькой и очень узкой. Когда Вася зашёл к Виктору в гости, то еле протиснулся, чтобы сесть к товарищу по ночному несчастью на кровать.

Василий поведал:

– Мне просто дали каких-то таблеток и я очень злой, но двигаюсь с трудом. Мне сказали просто лежать, но мне просто не хочется...

– К чему ты мне всё это говоришь? Мы разве знакомы? – спросил Виктор, трогая свой больной лоб. Он тоже себя неважно чувствовал после приёма медицинских препаратов.

– Забыл, значит, про меня просто? – не обиделся Вася. – Это же я, Вася-богатырь!

– Извини, не помню, – сказал Витя.

– Что ж, вот, значит, в чём твоя беда. Не помнишь просто ничего. Просто ты очень адекватным мне показался. Говорил просто и правильно. Не нёс чушь.

– Легче нести чушь, чем чемодан, – сказал Витя.

Вася рассмеялся.

– Вот ты мне настроение поднял! – сказал он. – А то я та-

кой зуб просто точу. На санитаров. Они просто меня вывели из себя. Они просто забыли про нас и даже просто не извинились. Я их проучу. Просто хорошенько проучу.

– Думаешь, надо? – Витя не знал, как поддержать разговор. На самом деле, вопросов у него было значительно больше.

– Это просто надо. От моего возмездия никто не уходил. Я просто думал, что они нормальные ребята, а они так с людьми поступили. Просто это не просто.

– Наверное, ты прав.

– А тебе просто надо быть аккуратней теперь, – сказал Вася. – Просто Макар со своими «шестёрками» тебе этого не простит. И врачи по поводу тебя совещались. Как бы тебя на особое лечение не перевели. Просто с особого лечения никто нормальным не возвращался. Просто не люди, а призраки. Просто не знаю, как тебе помочь.

– Мне, наверное, надо сбежать отсюда, – спокойно сказал Виктор.

– Точно! Тебе надо просто сбежать! – сказал Вася. – Я просто сразу понял, что ты нормальный!

– Но, я не знаю, куда бежать, – сказал Витя. Он встал, пошатываясь, сделал три коротких шага до окна.

А за окном голые деревья покачивались от сильных порывов ветра. Небо хмурилось, тяжёлые серые тучи кружили над замёрзшей землёй. На лужах блестел лёд.

Вася сказал:

– Просто если ты не сбежишь, то тебя убьют люди Макара, либо врачи своими сильными препаратами. Просто даже я тебе ничем помочь не смогу.

– А ты, не хочешь со мной сбежать?

– Нет, Вить, просто не хочу. Я чувствую, что меня скоро выпустят. Так просто незачем мне сбегать с тобой, извини. А ты просто думай, куда бежать.

– Давно я здесь?

– Я просто точно не знаю. Недели три.

– У меня такое ощущение, что дольше. Интересно, где я был до этого? Что со мной было?

– Не знаю. Просто, – сказал Вася, задумчиво.

– Знаешь, не буду я никуда сбегать. Мне некуда. Да, и незачем. Будь, что будет. Пусть хоть убьют, – сказал Витя. Он смирился со своей участью.

В открытую дверь палаты заглянул седовласый врач. Он сказал здоровяку:

– Богатырёв, тебе на уколы! Я же сказал сидеть в своей палате!

– Виталь Палыч, просто зря вы так! Я просто товарища проведать пришёл! – обиженно сказал Вася, поднявшись с кровати Виктора. – Вы ещё не наказали санитаров, что нас ночью оставили просто без присмотра?

– Наказал, Вась, наказал!

– Ох, я просто не верю вам, Виталь Палыч, – сказал Вася, и они с врачом вышли в коридор.

Виктор продолжал стоять у окна. Потом ему захотелось прилечь. За окном быстро стемнело. В палате включили свет, а медсестра принесла поесть и горсть таблеток. Женщина проследила за тем, съест ли свои лекарства пациент. Убедившись в том, что он не выплюнул таблетки, медсестра ушла. Виктору вскоре захотелось в туалет, у него заболел живот.

Он вышел в коридор, встретился взглядом с сидевшим за столом санитаром.

– Тебе опять в туалет? – спросил молодой санитар.

– Да.

– Направо, потом прямо, и до конца, – указал дорогу парень в белом халате.

– Спасибо, – сказал Витя и побрёл по длинному коридору.

Дверь в туалет всегда была открыта. В просторном помещении до потолка покрытым плиткой стояло несколько мужчин. Человек шесть, семь. Они курили в приоткрытую форточку. Двое выглядели побитыми. У одного толстого мужчины была перебинтована голова, а у второго был гипс на руке и лейкопластырь на носу.

Но Виктора мало интересовало это сборище. Он увидел несколько унитазов, которые не были загорожены перегородками. Пришлось делать своё дело так, под взглядами курильщиков, один из которых, с забинтованной головой, медленно отошёл к выходу, где так и остался стоять, наблюдая за тем, что происходит в коридоре.

Виктор смыл за собой и подошёл к умывальнику. Но руки помыть ему не дали.

– Ты делаешь вид, что меня не знаешь? – спросил мужчина в татуировках со сломанной рукой, поглаживая лейкопластырь на носу.

– Я не делаю вид. Я действительно тебя не знаю, – ответил Виктор.

– Вот как. Везёт же, не помнишь ничего в жизни своей убогой. Тебе жить-то до сих пор не хочется? – не унимался мужчина.

– Хочется.

– Резко захотелось, значит? А мы тебе уже собрались услугу оказать. Ладно, убивать не будем, но жить тебе снова расхочется, потому что это будет не жизнь!

Мужчины окружили его. Виктор приготовился отбиваться, но первый же удар свалил его с ног. Он не смог отбиваться от частых ударов ногами, поэтому просто заполз под раковину и закрыл голову руками. Как ни странно, он не чувствовал сильной боли от прикосновений чужих ног по своей спине и рёбрам. Боль была глухой и терпимой.

– Мочите его! – крикнул толстый мужчина с перебинтованной головой. – Мочите насмерть!

В туалет прибежал молодой санитар, сбив оттолкнув Макара в сторону от двери.

– Разошлись! – крикнул он.

Все стремглав разбежались. Санитар поднял с холодного

пола избитого Виктора. Тот шатался, но на его лице не было ни единого синяка, только на лбу красовалась шишка, полученная в предыдущей драке. Чуть позже у него немного заболела спина.

– Спасибо, – сказал Витя.

– Не за что. Без меня теперь в туалет не ходи, хоть и недолго тебе здесь осталось, – сказал санитар и проводил Баюнова до палаты.

Почему ему здесь осталось недолго, Виктор спрашивать не стал. Поначалу, конечно, он испугался, но потом вспомнил, что ему решительно незачем жить.

Сон долго не шёл к Виктору, хотя обычно с этим проблем не было. Ныла спина и в голову лезли нехорошие мысли. Ветер за окном крепчал, стучал в стекло, норовя выдавить его из рамы. В палате стало прохладно, мужчина поднялся с кровати, поковырялся в суке, что ему днём принесли. Там он нашёл красивый серый пиджак. В его внутреннем кармане лежал какой-то пакет с маленькой книжкой или блокнотом, но Баюнов не стал доставать этот предмет. Надев пиджак, он снова лёг под одеяло, от которого неприятно пахло чем-то горьким, несмотря на то, что оно выглядело чистым.

А думал Виктор о том, что у него, по сути, не было жизни. Глядя на нехитрый интерьер комнаты, он понимал, что находился в больнице. А то, что было до больницы, он не помнил. Не помнил и о том, как прошёл сегодняшней день. Он даже не понимал, ранняя весна или поздняя осень бушует

ветрами за окном, на котором была прочная решётка. Виктора посетило зыбкое воспоминание, что вроде бы когда-то он был женат. Но как выглядела и как звали его жену, он вспомнить не смог. Правда в памяти почему-то всплыла первая школьная любовь из младших классов. Дальше Виктор стал вспоминать, есть ли у него дети, но и здесь он ничего не вспомнил. Потом он заиклился на своём возрасте, и пришёл к выводу, что ему около тридцати лет, плюс, минус год. Ещё он вспомнил, что у него день рождения в один день с Натали Дормер, Варгом Векернесом и Дженнифер Энистон. Это знание не прибавило ему оптимизма. Детский сад, школа, университет, работа – всё в обрывках воспоминаний из безымянных лиц и пустых разговоров ни о чём. И никаких полезных знаний в его пустой голове. Даже таблица умножения вспомнилась с трудом. Но он помнил своё имя, фамилию, отчество и почти не помнил родителей. Почему-то появилось ощущение, что их давно нет. Как нет и памяти о них.

Он пришёл к выводу, что человек это не его эфемерная душа или неидеальное тело, нет. Человек состоит из памяти. Из памяти о себе, и памяти других людей о нём. Первая разновидность памяти фиксирует тот факт, что человек жив. Вторая разновидность говорит о том, что человек не является пустым местом и является живой единицей не только в своём внутреннем мире, но и имеет некоторый вес в обществе. Но без наличия первого фактора, не будет фактора и второго. Следовательно, Виктор пришёл к выводу, что он

мёртв.

И, вероятно, он попал в эту пресловутую жизнь после смерти, при которой нет ни прошлого, ни будущего. Есть только настоящее, и это ощущение настоящего и есть вечность. Смерть оказалась намного хуже, чем представляли её в популярных религиях.

Баюнов заснул в тяжёлых мыслях.

Глава 9

Ранним утром, когда ещё было темно, его разбудил молодой санитар.

– Вставай, одевайся. Только быстро! – скомандовал он, бросив тёплую куртку на кровать Виктора.

– Что происходит? – не понял Баюнов.

– А то ты не понимаешь, идиот? Забирают тебя отсюда. Только давай шустрее. Тут идиотов хватает и без тебя, агрессивных тем более.

Виктор накинул на себя куртку и обул тёплые ботинки, которые ему также предоставил молодой санитар.

– Но мне не хочется никуда, – сказал Виктор.

Санитар торопился:

– Это уже не мои проблемы. Я провожу тебя к выходу, там побежишь к чёрной машине, ворота открыты будут. В ней тебя ждут...

Виктор послушался. Парень вывел его к выходу из здания, где мужчина, толкаемый в спину сильным ветром, добежал до открытых ворот, у которых стоял старый чёрный легковой автомобиль. Баюнов огляделся по сторонам, прежде чем сесть в салон. Небо начинало немного светлеть, старое здание больницы осталось далеко позади. Погони не было. Мужчина вдохнул холодный воздух и прыгнул на заднее си-

дение автомобиля.

Они поехали. За рулём сидел крепкий мужчина тридцати лет с неопрятной щетиной. Он был одет в чёрные джинсы и чёрную, обтягивающую водолазку, которая подчёркивала его мускулы. Его белая плотная куртка небрежно валялась на переднем пассажирском сидении. В салоне пахло чем-то кислым, и было жарко.

– Кто ты? – спросил Виктор.

– Да какая разница, – ответил мужчина. – Я тебя вызволил оттуда. Это сейчас самое важное...

– А я разве просил вызволять меня оттуда?

– Ещё как!

– Не помню.

– Ну, это не мудрено.

Некоторое время они проехали молча. Мужчина первым не заводил разговора, а Виктор не знал, задавал ли он эти же вопросы до того, как додумался до них. Но, наконец, он спросил:

– А куда мы едем?

– Как куда? В деревню Светильново. К Лере.

– Это моя жена?

Водитель только усмехнулся.

Виктор больше не стал ничего спрашивать. Ему не нравилось, когда на важные для него вопросы люди не дают ответов, да ещё и ухмыляются. Он даже немного задремал в тепле.

Автомобиль был не новым, он скрипел и издавал неприятные звуки. Они свернули на просёлочную дорогу, Виктора стало сильно укачивать на ухабах. Сонливость сошла на нет, и новая порция вопросов созрела в голове Баюнова, но он не успел их задать.

Уже было совсем светло, за окном появились очертания деревни. Вскоре машина остановилась.

– Приехали, – сказал водитель.

– Куда? – не понимал Виктор.

– Вылезай.

Они вместе вышли из автомобиля. Снаружи было прохладно. Виктор спросил:

– Ты не помнишь, зачем я сюда приехал?

– Как, зачем? Ну, ты даёшь! – усмехнулся водитель и открыл багажник. – Клад копать ты сюда приехал! Держи свою лопату!

Он отдал Виктору лопату, захлопнув багажник. Потом неизвестный мужчина направился к водительской двери, открыл её.

Виктор, начав что-то понимать, сказал:

– Клад? Клад очень нужен. Определённо нужен...

– Я поехал, прощай. Дальше уже сам. Только не забывай про клад!

– Клад, – многозначительно сказал Виктор, проводив взглядом отъезжающий автомобиль.

Потом Баюнов огляделся по сторонам и пошёл в деревню.

* * *

Лера отворила калитку, с опаской осмотрела пустую деревенскую улицу. Поправила платок на голове и повязку на глазу. После этого она пошла по промёрзшей земле в сторону колодца, неся в одной руке два пустых пластмассовых ведра.

– Хоть бы снег что ли уже выпал, – проворчал отец Леры, пытаясь её догнать. – Это не зима, и не осень, а чёрт пойми что! Холод собачий, а снега нет! Ветер, как на северном полюсе!

– Пап, иди, пожалуйста, домой! Холодно ведь, да и спина твоя ещё не вылечилась!

Пожилой мужчина разозлился:

– Ты – глупая! Она и не вылечится! А одна ты сто лет будешь воду таскать, а я хоть понемногу, да всё равно тоже принесу, быстрее управимся! Думаешь, я старый уже? Ждёшь, когда я сдохну?

– Пап, не надо так говорить, – попросила Лера, зная, что это его не остановит.

– Ты меня не затыкай! Мозгов ещё не нажила, а указывать начинаешь! Тебе бы за ум взяться, начать готовиться к экзаменам!

– Пап, экзамены только летом!

– Если опять провалишь, я тебя просто пришибу!

Девушка аккуратно открыла крышку колодца, опустила туда металлическое ведро с цепью. Барабан резко закрутил-

ся, и железо гулко упало в воду. Ведро наполнилось, а отец медленно стал крутить ручку, поднимая ведро на поверхность и озвучивая наставления:

– Барабан надо ладонями придерживать, а то развалится колодец-то, ты что ли потом его строить будешь? Итак, вон как расшатали, сволочи безрукие! Смотри, как надо!

Мужчина перелил воду из железного ведра в пластмассовое, после чего опустил пустое ведро в колодец, и, придерживая барабан, спустил его к воде. Он постоянно ругался и указывал дочери на то, как нужно делать.

– Видишь, как надо, видишь! – приговаривал он.

Буквально пару дней назад его спина почти перестала болеть после операции. Теперь его энергия была неиссякаема, как и манера злиться на всё происходящее вокруг.

Лера попыталась взять оба ведра сразу, но поскользнулась на обледеневшей луже, что всегда была у скамейки, куда ставили вёдра. Два ведра опрокинулись, вода разлилась по земле.

Старик закричал:

– Ты, тварь, что, издеваешься?! Ты специально это сделала, убогая? Кто ж на тебя теперь такую позарится? Ты не только безглазая, но ещё и безрукая!

Лера увидела, как какой-то мужчина появился на улице. Было странно кого-то здесь встретить в столь раннее утро. Она отвернулась, ей было стыдно за своё уродство и за крики своего отца, которого она пыталась не слушать. Но он не

унимался, он толкнул её в плечо, и девушка вновь поскользнулась, но на этот раз не смогла удержать равновесия и упала в лужу, но быстро поднялась.

– Я у тебя спросил, а ты молчишь, овца?! – не унимался дед.

Мужчина с лопатой не смог пройти мимо. Он всё видел и слышал. Он легонько толкнул пожилого мужчину и тот свалился на землю.

– Рот закрой, – сказал Виктор пенсионеру.

– Ты совсем что ли ох... – не смог закончить фразу пожилой мужчина, схватившись за спину, почувствовав резкую боль.

– Привет, пойдём со мной клад копать? – сказал Баюнов, помогая Лере отряхнуть грязь.

– Я сейчас встану и уши тебе надеру! – крикнул отец Леры, с трудом поднимаясь с земли.

– Пойдём? – ещё раз спросил Виктор, не обращая внимания на злобного старика.

– Пойдём, – тихо сказала Лера.

Виктор взял её за руку, и они пошли вдоль улицы, оставив позади злость несчастного человека и родной дом Леры.

Девушке стало всё равно куда идти, лишь бы никогда не возвращаться. И ещё она начала верить в судьбу.

Виктор был уставшим, похудевшим, его лицо украшала небольшая борода, которая явно ему шла. Даже синяк на лбу выглядел не каким-то уродством, а благородной травмой, по-

лученной в жестоком бою. И ещё в Викторе было столько мужества, столько желания изменить злую повседневность, что Лера вновь доверилась ему. И теперь она будет просить поцеловать его, настолько нужным человеком он был в этот момент.

Из деревни они вышли в торжественном молчании. На просёлочной дороге Виктор отпустил руку девушки, и тогда она заговорила:

– Вить, а ты помнишь, как меня зовут?

– Понятия и не имею, – отозвался Виктор. – Маша? Маша Петрова?

– Почти, – робко засмеялась девушка. – Меня зовут Лера. Как у тебя... дела?

– Почему-то сейчас кажется, что замечательно.

– У меня теперь тоже всё отлично! Ты пришёл за мной, это просто волшебство!

– Да, хорошо, что в этом мёртвом мире есть волшебство.

– Мёртвом, это из-за погоды, да? – Лера любовалась Витей.

– Нет. Мир мёртвый, когда нет памяти. У меня памяти нет, но что-то ведёт меня сюда, что-то заставляет двигаться. Просто мёртвым быть грустно. Но у меня вдруг возникло ощущение того, что я всё ещё живой, пока у меня есть какая-то цель!

– Клад?

– Клад очень нужен! Именно! – согласился Витя.

– А любовь есть в твоём мёртвом мире?

– Любовь, конечно же, есть. Любовь течёт по моим венам, заставляя видеть это холодное пространство, быть внутри него! Быть и не желать свалить отсюда. Она заставляет отказаться от мысли о самоубийстве. Кто, как не любовь, заставляет меня ещё пожить на этом свете. Понять бы, что это за любовь...

– Ты говоришь, как поэт, – Лера улыбнулась.

– Поэт слагает стихи о красоте, а я же всё-таки просто больной человек, которому трудно связать два слова. Мысли не разгоняются. Хотя, здесь, в чистом поле, на природе, мне полегче. Не помню, где я был до этого, но мне было тяжело, мне было сложно! Мысли тухли в голове, как продукты в холодильнике, который отключили неделю назад. Боже мой, что было неделю назад, я не помню, но как же хорошо сейчас!

– Мне тоже хорошо, рядом с тобой, – призналась Лера.

– Как хочется навсегда остаться в этом мгновении! Я здесь свободен! Мой разум чётко понимает, куда мы идём, и мне кажется, что я парю высоко-высоко! Над чернотой этих полей, над холодной чистотой этой реки, над вязью этих мрачных лесов! Небо, несмотря на свою хмурость, такое лёгкое, как вата...

Виктор осёкся. Ему не хватило слов, чтобы описать свою внезапную эйфорию. Но Лера, идущая быстрым шагом вровень с ним, дотянулась своими губами до его небритой щеки.

– Я с тобой, – сказала девушка. – А ты со мной. Мы уедем далеко, и небо всегда будет рядом с нами. Мы всегда будем на свободе. Я чувствую, что ты многое пережил. Понимаешь, мне было не проще. Так давай же, наконец, прервём круг этих неудач и станем счастливыми. И свободными! Вырвемся из этого мёртвого мира!

– Мне кажется, мы сделали большое дело, – сказал Виктор.

– Да. Пусть всё будет позади.

– Пусть всё будет позади.

Они сошли с дороги в поле, усыпанное тонким слоем снега. Устремились к старому дубу, что своей огромной веткой указывал путь к их счастью. Редкие рыжие травинки вновь расступались перед ними. Возле дуба было много уродливых ям.

– Какое число самое удачное, три или семь? – спросил Виктор.

– Вить, три и семь уже было, – сказала Лера.

– Было? Это, конечно, грустно. Но мне кажется, что есть ещё хорошие цифры.

– Тридцать три?

– Нет, тридцать три это не то. А вот триста тридцать три в самый раз!

Они подошли к дубу, Виктор долго отмерял шаги в противоположной от большой ветки стороне, после чего стал копать новую яму.

Земля была твёрдой, мужчина очень старался, но на этот раз ему было тяжело. Он снял куртку, а девушка села на неё, чтобы не застудиться. Она ждала чуда, неотрывно глядя на то, как работал Виктор.

Мужчина выкопал приличную яму, но ему так ничего и не попало. Он сел рядом с Лерой и стал приводить своё дыхание в порядок.

– Вить, даже если ничего не найдёшь, давай всё равно сбежим куда-нибудь вместе. К чёрту этот клад, – сказала Лера, положив свою голову на плечо мужчине.

– Я нужен тебе и без клада? – удивился Виктор.

– Да. Давай просто сбежим!

– Давай. Я ведь тоже не знаю, куда мне идти.

– Когда два человека не знают, куда им идти, то у них есть хороший повод найти свой путь на двоих, – сказала Лера.

– Да, это похоже на правду, – сказал Витя и пошарил по своим карманам.

Во внутреннем кармане пиджака он нашёл какой-то красивый блокнот. Его страницы были перелистаны Виктором тысячу раз. Именно сюда он записывал все свои мысли, всё то, что знал о своей жизни. Они прочитали всё, что там было написано. Дольше всего Виктор задержался на той странице, где он вкратце описал свою симпатию к Лере. Девушка немного смутилась, также прочитав эти строки. А Виктор перелистнул страницу и улыбнулся, когда увидел строчку, написанную рукой Валерии: «Виктору от Леры на долгую

память».

Дочитав блокнот, Виктор поёжился от холода. Ветер вновь напомнил о себе.

– Надень куртку, – сказала Лера.

– Нет. Я ещё покопаю. А блокнот надо уничтожить. Закопать здесь же. Теперь я знаю о своей жизни, и мне от этого легче не стало. Я хочу это снова забыть.

– Хорошо. Избавься от прошлого.

– Не могу, – после паузы сказал мужчина.

– Что не можешь? – будто примерив его недуг на себе, спросила девушка, забыв о том, о чём они только что говорили.

– От прошлого, – затараторил он, боясь потерять мысль. – Моё прошлое всегда рядом. У меня есть жена. Если она есть, значит, всё ради неё! Надо закончить побыстрее это... дело... и вернуться к ней!

Лера ничего не сказала. Только в её горле защекотало чувство, вызывающее слёзы. Обида. Но разве можно обижаться на этого несчастного, совершенно чужого человека? Вероятно, преступника. Такого же, как и те, кого она ждала всё это время. Но они к ней так и не пришли...

Виктор копал. Ветер усиливался. Лера надела на себя куртку мужчины.

Баюнов копал долго и яростно. Он не мог остановиться, потому что знал, что замёрзнет, ведь он покрылся потом с головы до пят. Также он знал, что клад очень нужен. Была

ещё какая-то информация в голове, но она никак не могла найти правильную формулировку, но это было что-то тоже очень важное.

Ветер крепчал, атакуя кладоискателей не редкими порывами, а сплошным потоком. Казалось, надвигается ураган. Казалось, никто не найдёт управы на этот буйный ветродуй.

Но ветер неожиданно стих.

Наступила тишина. Стало слышно, как тяжело дышит Виктор. Он выкопал большую траншею, закопавшись по пояс в промёрзлый чёрный грунт.

– Лера, я нашёл, – тихо сказал мужчина.

Девушка сначала обрадовалась тому, что клад отыскался, а потом её захлестнула волна счастья от того, что Виктор через столь продолжительное время смог запомнить её имя! Но этот ветер, что так резко ослаб... стало как-то тревожно.

– Как ты меня назвал? – спросила она.

– Я тебя назвал Лера, – сказал запыхавшийся Виктор.

Он вылез из ямы и раскрыл большую чёрную сумку, что вытащил из земли. В сумке лежал прозрачный пакет, который защищал от влаги крупную сумму денег.

Виктор улыбнулся, потом разогнул спину и замер.

Раздался гулкий хлопок, на лбу Баюнова появилась красная точка, из которой пролилось на землю несколько капель крови. Мужчина упал в яму, которую сам и выкопал. Лера бросилась к нему, не веря, что человек может умереть так быстро и так нелепо. Она начала захлёбываться в своих сле-

зах, припав к мокрой спине мужчины.

Вскоре сверху, над ямой, раздался спокойный мужской голос:

– Лежи так. Голову не поднимай. Обернёшься – украшу твой лоб такой же дыркой. Считай до трёх тысяч. Потом вставай и иди домой. Об этом никогда не вспоминай. Вспомнишь – приду за тобой. Три тысячи... раз... два... и так далее...

Мужчина, что довёз Виктора до деревни и вручил ему лопату, закинул снайперскую винтовку себе за спину, после чего поднял сумку с деньгами с земли и пошёл по полю к трассе, туда, где он оставил угнанный у кого-то автомобиль.

Он долго шёл по чёрному полю, пытаясь согреться. Он не оглядывался. Этот пейзаж ему успел порядком наскучить. Ему пришлось сегодня много следить за Баюновым, держать дистанцию, лежать в жёлтой траве на земле, покрытой льдом. Целиться от скуки то в него, то в его подругу. Но Максим Чижов считал себя первоклассным киллером, и был всегда доволен результатом своей работы. Правда, в этот раз заказ от Гоши был необычным, но он всё равно справился. А Баюнов сам подписал себе приговор, найдя остатки денег.